

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евения
Горская

ДАР ИЛИ
ПРОКЛЯТИЕ

ЭКМО

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская
Дар или проклятие

«ЭКСМО»

2014

Горская Е.

Дар или проклятие / Е. Горская — «Эксмо», 2014 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Услышав от подруги, что она видела ее мужа с другой женщиной, Наташа почти не удивилась. Она давно уже мысленно поставила на их браке крест, ведь от мамы ей передался дар предчувствовать беду... Проблемы на работе заставили на время забыть о личных переживаниях: кто-то пытался проникнуть в ее компьютер. Но кому и зачем это могло понадобиться? У Наташи нет врагов, ее уважает начальник, она очень дружна с его маленьким сынишкой Сережей, которого тот частенько приводит на работу. Александрина, жена шефа, даже начала ревновать... А потом события стали развиваться совсем непредсказуемо! У Наташи пропал мобильник, и она, сопоставив факты и доверившись своему дару, поняла: телефон украли, чтобы с его помощью обманом выманить Сережу из школы. Надо срочно придумать, как предотвратить похищение мальчика!

Содержание

Татьяна Устинова	6
Понедельник, 9 ноября	8
Вторник, 10 ноября	20
Среда, 11 ноября	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгения Горская

Дар или проклятие

© Горская Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Татьяна Устинова

Великая сила настоящего детектива

Писать детективы трудно – утверждаю как писатель, написавший некоторое количество именно детективов. Смею утверждать также, что детектив – серьезное, интеллектуальное чтение. Ну, разумеется, правильно написанный детектив!.. Читатель следует за сюжетом, придуманным автором, не в силах оторваться – именно в этом великая сила настоящего детектива и настоящего детективного автора: увлечь, заманить, заставить блуждать в лабиринтах, бояться и радоваться, сочувствовать и негодовать. Евгения Горская – настоящий детективный автор. От ее книг невозможно оторваться.

Но бывает и по-другому. В начале двадцатого века жил канадский писатель Стивен Ликок, прославившийся в основном своими легкими юмористическими рассказами. Ликок посмеивался над тогдашними детективами; он говорил, что любой детективный рассказ имеет бешеный успех ровно до развязки. Еще бы: великий сыщик бродит впотьмах, полиция в очередном тупике, улики пропали, а героиня похищена злодеем и сейчас в смертельной опасности! И вот тут-то автору бы и закончить свой рассказ, но нельзя! И приходится как-то... разбираться со всем этим, придумывать объяснение происходящему, а получается топорно, надуманно, неумело.

Прошло ровно сто лет, но ничего не изменилось!.. Множество великолепных и захватывающе начинавшихся детективов не имеют сколько-нибудь приличной развязки. В сюжете зияют огромные дыры, герои действуют нелогично, а все расследование оказывается простейшей схемой, зачастую завязанной на одном-единственном или нескольких совпадениях. Дочитав такого рода книженцию, я чувствую, что меня надули, подсунув фальшивку.

Когда подошел к концу новый детектив «Дар или проклятие» Евгении Горской, я тоже почувствовала разочарование, возможно даже обиду, но принципиально иного толка!.. Просто закончилась впечатляющая своей изысканной запутанностью, немного страшная, безукоризненно написанная, захватывающая, напряженная и пронзительная сказка, в которой мне повезло прожить целый вечер.

Казалось бы, практически невозможно написать книгу, которая держит в напряжении от самого начала и до последней страницы. Чтобы действие только нарастало, чтобы петля сюжета затягивалась все туже, чтобы самые сильные эмоции – любовь и ненависть – били через край, а история на каждом витке совершала головокружительный кульбит, переворачивая все действие с ног на голову, заставляя героев искать спасения там, где спасение, кажется, невозможно. Но Евгении Горской это удалось!..

Я до сих пор была уверена, что невозможно соединить детектив с «саспенсом» – вот не люблю этого слова!.. Оно кажется надуманным, слишком киношным и по сию пору ассоциировалось у меня только с Альфредом Хичкоком и его «Птицами». И вообще эти два жанра казались мне взаимоисключающими. Потому что детектив – суть загадка, требующая стройности повествования и безукоризненной логики. Для «саспенса» же одной тайны мало. А Хичкок так вообще считал, что она вредит. «Саспенс» должен сразу же завладеть нашим вниманием, выложить все карты на стол, без стеснения и жалости играть на наших страхах, погружая нас – зрителей и читателей – в состояние тревожного ожидания чего-то незримого, но грандиозно-ужасного.

И тем более удивительно, что Горской в ее новой книге «Дар или проклятие» удалось совместить эти два на первый взгляд несовместимых компонента: идеальный детектив и гнетущий «саспенс». В результате получился яркий, безумно вкусный и мгновенно опьяняющий коктейль из кристально-чистой логики и вихря неподдельных эмоций.

У Натальи, главной героини романа, есть редкий дар – она умеет предчувствовать беду. Но сможет ли она уберечь саму себя, когда над головой начнут свистеть пули? И ведь она рядовой программист. Кому понадобилось ее убивать? Что она могла видеть или имела неосторожность услышать? И связана ли эта охота с гибелью ее сына – кошмаром, который, казалось, удалось навсегда оставить в прошлом? Кто ее защитит? Как угадать, кто друг, а кто безжалостный убийца, который не остановится ни перед чем? Или все-таки остановится?

Новый детектив Евгении Горской будто бы целиком состоит из неожиданных сюжетных поворотов. И на каждом интрига закручивается все сильнее, а ставки становятся все выше, а в самом конце выясняется, что злодей на самом деле... Впрочем, читайте!

У вас впереди новый детектив! Как я вам, ребята, завидую!

Понедельник, 9 ноября

Он понимал, что не может оставить ее в живых, и знал, что времени осталось мало.

Самое неприятное заключалось в том, что она ему нравилась, он даже по-своему был привязан к ней и сейчас остро жалел, что на ее месте не оказалась другая, незнакомая ему женщина или, по крайней мере, менее симпатичная.

Времени оставалось мало, и ему необходимо было продумать все до мелочей. Он еще полежал, глядя в потолок, и осторожно вылез из-под одеяла.

Умерла Зинаида.

Бред какой-то, подумала Наташа. Придет же такое в голову... Она постаралась рассмотреть сквозь плотные занавески, горит ли хоть одно окно в доме напротив. Ни одно не горело, значит, еще глубокая ночь. Наташа повертелась немного, поняла, что не заснет, и тихонько, стараясь не разбудить Виктора, встала.

Аккуратно закрыла дверь в спальню и зажгла свет. Половина шестого, по московским меркам самое время спать.

Единственной Зинаидой, которую Наташа знала, вернее, не то чтобы знала, а о которой была слышана, была их дальняя родственница. Эта Зина приходилась отцу то ли троюродной сестрой, то ли какой-то дальней теткой. Родственников у их семьи было мало, и родители старались со всеми поддерживать отношения, но Зинаида знать их не хотела, что всегда вызывало у мамы недоумение и слезы, а у отца злость. Жила тетка Зинаида где-то в среднерусской глуши, где пенсии были совсем крохотными, а цены почти московскими, но никакой помощи от них не принимала.

Наташа прошла на кухню, зажгла газ, поставила на плиту чайник и стала смотреть на огонь.

Тихо скрипнула дверь – она все-таки разбудила Витю.

– Не спится? – Муж налил себе воды из хрустального кувшина, выпил и сполоснул стакан. Кувшин подарила свекровь года три назад. Наташа его терпеть не могла. Кувшин практически невозможно вымыть, к тому же она не понимала, зачем он вообще нужен, когда в доме имеются два чайника: обычный и электрический, в каждом из них всегда есть кипяченая вода, и они никогда их одновременно не нагревают.

Муж наклонился, чмокнул ее в шею и слегка сжал плечи, что означало – нравится тебе здесь сидеть, ну и сиди, а я спать пойду.

Когда не спалось ему, это выливалось почти в трагедию: он обязательно начинал выяснять, нет ли в данный момент магнитной бури, не наблюдается ли рост или, наоборот, падение атмосферного давления, не имеет ли место полнолуние или новолуние, или черт знает что еще. При обязательном ежевечернем звонке свекрови он обязательно рассказывал, что очень плохо спал, что теперь весь разбитый и боится не выспаться грядущей ночью. Он и от нее, от жены, в таких случаях ждал сочувствия, но Наташа сочувствия не выражала, она всегда считала, что мужчина должен уметь терпеть лишения и не обращать внимания на обыкновенную бессонницу. Она ему не сочувствовала, и Виктор обижался на несколько дней.

Наташа привычно напомнила себе, что ее муж далеко не самый плохой: не устраивает скандалов по пустякам, не требует от нее кулинарных изысков, стерильной чистоты в квартире, даже цветы дарит часто, а недостатки есть у всех. Хороший у нее муж, только напоминать себе об этом приходится все чаще.

Чайник закипел. Наташа насыпала заварку прямо в чашку, залила кипятком и стала греть о нее руки. Виктора такое ее чаепитие всегда выводило из себя: чай надлежало заваривать исключительно в заварочном чайнике. Таких чайников было два: один для черного чая, другой

для зеленого. Еще год назад Наташе не пришло бы в голову заварить чай в чашке, тогда ей казалось: все, что Витя считает и делает, – единственно правильно, а если сама она поступает не так, как ему хочется, значит, она чего-то не понимает и не соответствует высокому стандарту его жены.

Прошел год с тех пор, когда она поняла, что тяжело ей с собственным мужем.

Наташа отпила ароматной жидкости и зажмурилась от удовольствия.

Тетку Зинаиду она видела только один раз. Наташа была совсем маленькой, когда родители купили машину и поехали вместе с ней в маленький городок к тете. Как ни странно, Зинаиду Наташа помнила отчетливо: высокая худая женщина с кудрявыми темными волосами и белым фартуком, повязанным на цветастом платье. Она одной рукой прижимала к себе маленькую Наташу, гладила ее по голове, а потом повела ее показывать маленьких желтых цыплят на соседнем участке. Еще Наташа помнила, что на кухне у тети Зины был большой стол, накрытый красивой клеенкой с яркими оранжевыми подсолнухами.

Тетка тогда их практически выгнала неизвестно почему, маленькая Наташа этого не знала и удивлялась тому, что мама плачет, а отец зло молчит.

– Саша, – говорила мама, – ее нужно простить, она потеряла сына.

– Мозги она потеряла, – бурчал отец.

Наташа не понимала, как можно потерять сына, а тем более потерять мозги, и на всякий случай спросила:

– А сын у нее большой?

– Большой, – ответила мама, достала из кармана платок и вытерла слезы.

Сейчас Наташа знает, что у тетки погиб сын, после чего она почему-то прекратила всякое общение с родственниками.

Наташа посмотрела на часы – пора будить Витю, но муж проснулся сам, пошумел водой в ванной и прошел на кухню.

Она поставила на огонь геркулесовую кашу и кастрюльку с водой – для яиц. Виктор завтракал исключительно кашей и двумя яйцами в мешочек. Еще год назад Наташа, давясь, тоже ковыряла кашу, которую терпеть не могла, и чувствовала себя виноватой за то, что не любит здоровую пищу. Впрочем, тогда она все время чувствовала себя виноватой.

Она подумала, соорудила себе два бутерброда с сыром и сунула их в духовку.

– Это мне назло, да? – обиженно спросил муж, наблюдая за ее манипуляциями.

– Нет, Витя, – Наташа постаралась, чтобы в голосе не проступило раздражение. – Просто я не люблю кашу. А яйца мне надоели.

– Раньше ты кашу любила.

Наташа промолчала. Трудно, почти невозможно объяснить, почему раньше ей так хотелось ему нравиться, что она согласна была не только есть ненавистную кашу, но и вовсе обходиться без пищи.

Завтракали они в полном молчании, муж насупился и смотрел в сторону. Год назад она немедленно начала бы лебезить, выпрашивать прощение, потом без конца звонила бы ему, пока он не сменит гнев на милость, а сейчас почти не замечала его молчания, вернувшись мыслями сначала к Зинаиде, а потом к предстоящему рабочему дню, и отчего-то испуганно вздрогнула, услышав резкий телефонный звонок.

– Наташа? – удивилась свекровь. Она почему-то всегда удивлялась, услышав Наташин голос, как будто никак не ожидала обнаружить ее в квартире сына. Хотя на самом деле квартира была как раз Наташиной, досталась ей в наследство от бабушки.

– Здравствуйте, Вера Антоновна.

– Витя дома?

– Дома. – Наташа передала трубку мужу.

Почему-то она была уверена, что звонит мама и сейчас скажет что-нибудь про Зинаиду. Вообще-то это едва ли могла быть мама: родители отдыхали в Италии, и если бы позвонили, то, скорее всего, на мобильный. Звонить было дорого, и они предпочитали посылать эсэмэски.

Все-таки мысли о тетке не давали ей покоя.

Наташа достала из сумки сотовый и, не жалея родительских денег, набрала номер.

– Мама, ты от Зинаиды давно известия получала?

– Не очень, – замялась мать. – А почему ты спрашиваешь?

После той злосчастной поездки, когда тетка отказалась иметь с ними дело, мама через каких-то не то совсем дальних родственников, не то просто знакомых вышла на Зинаидину соседку Шуру, переписывалась с ней, частенько посылала деньги, чтобы та приглядывала за теткой, и сведения о Зинаиде всегда имела.

– Да так, вспомнила о ней почему-то. Сама не знаю почему.

Нужно выбросить из головы дурацкие мысли. Мало ли что может присниться... Наташа попрощалась с мамой и стала собираться на работу.

Ей повезло – подошедший трамвай шел как раз до офиса, не пришлось пересаживаться на другой транспорт, и в здание она пришла одной из первых. Вообще-то, у них строго регламентированного рабочего дня не было, все приходили и уходили, когда кому удобно. Можно было и совсем не прийти. Нельзя только одного – не сделать свою работу. За это увольняли сразу, безо всяких выговоров и нагоняев.

Фирма уже несколько лет занимала целое крыло большого офисного здания, при входе имелись охрана и электронная система пропусков, фиксирующая приход-уход. Все сотрудники знали, что начальство периодически снимает данные с электронной системы, и старались восьмичасовой рабочий день выдерживать. И Наташа старалась.

Она отперла комнату – в отделе еще никого не было, подошла к своему столу и замерла: что-то было не так. Большой черный кошачий глаз, подарок Виктора, лежал чуть дальше от клавиатуры, чем всегда. Стопка маленьких квадратных листков с каракулями ее заметок для памяти заметно вылезала из-под клавиатуры, а она всегда аккуратно записывала листочки под нее, чтобы их не было видно.

Наташа включила компьютер и отправилась поливать цветы. Цветов было много, и для нее, единственной женщины в отделе, это было почти дополнительной работой.

Она уже просмотрела электронную почту, как обычно по утрам, и приподняла клавиатуру, чтобы вспомнить последние записи на листочках, но неожиданно опустила ее, бессмысленно посмотрела в экран и защелкала мышью, просматривая кадры *своей* программы. Программу Наташа написала года полтора назад от нечего делать, когда один проект был уже закончен, а по другому заказчики все никак не подписывали договор. Программа автоматически запускала фотокамеру при каждом включении компьютера и так же автоматически отключала ее ровно через минуту. Камера фиксировала сидящего перед компьютером.

В пятницу в 22:41 ее компьютер включал Стас Морошин. Он работал в соседнем отделе, и никаких совместных проектов с Наташей у него никогда не было.

Полагалось выключить компьютер и немедленно позвонить директору, но Наташа ошарашенно сидела не шевелясь. Пока не испугалась, что сейчас заплачет неизвестно отчего. Что-то в последнее время она стала слезливой, как мама. Та любила поплакать по малейшему поводу.

Тогда Наташа решительно направилась в соседнюю комнату, мечтая, чтобы Морошин оказался на месте, и облегченно вздохнула, увидев откинувшегося в кресле парня.

– Ты зачем в мой компьютер лез? – ласково спросила Наташа. Увидев Стаса, она сразу как-то успокоилась, ей больше не хотелось плакать, она даже почувствовала себя злой и веселой ведьмой Геллой и почти пожалела незадачливого Морошина, которому сейчас придется совсем не сладко.

Он так явно испугался, что Наташа пожалела его еще больше.

– Никуда я не лез! Ты что, спятила? – возмутился он. Возмутился тихо, чтобы никто не слышал.

– Стасик, – Наташа села на свободное кресло и слегка покачалась вправо-влево, – говори быстро и доходчиво, иначе я сейчас Петру Михалычу позвоню. Это я ведь одолжение делаю, время на тебя трачу.

Петр Михайлович Сапрыкин являлся и директором, и хозяином фирмы, Наташа знала, что сотрудники его побаиваются, а молодежь вроде Морошина просто трепещет. Сама Калганова директора не боялась, он ей нравился, и она его очень уважала.

Странно, что она подумала про Морошина «молодежь», как будто себя молодой уже не считала. Стас был, конечно, моложе, но не так уж намного, года на четыре. Ну, может, на пять.

– Не лез я в твой комп, – продолжал шепотом возмущаться Стас.

Наташа вытянула руку и демонстративно полюбовалась кольцом с большим бриллиантом. Кольцо было от фабрикантов, и Наташа давно и всерьез считала его своим талисманом. Фабрикой владел ее прапрадед по отцовской линии, и кольцо было тем немногим, что удалось сохранить после страшных революционных и военных лет. Маме оно не нравилось, она постоянно носила другое, тоже с большим бриллиантом, а это родители подарили Наташе к окончанию института.

– Стас, ты меня задерживаешь.

– Да с чего ты взяла-то? Не лез я в твой комп! Что мне, делать больше нечего?

– Кто в чей компьютер лез? Здравствуйте, – раздался совсем рядом низкий голос.

Наташа и Стас подняли глаза и обомлели: рядом стояли сам директор Сапрыкин, а за ним его заместитель Анатолий Константинович Выдрин. Вообще-то худощавый, импозантный, в дорогом костюме, Выдрин выглядел намного представительней коренастого, с грубоватым лицом Сапрыкина и скорее мог сойти за директора и хозяина. Петр Михайлович же больше напоминал тракториста, надевшего костюм, чтобы покрасоваться на деревенской свадьбе.

Рабочие столы в фирме отделялись друг от друга высокими книжными полками, и заметить входящих в помещение было трудно, вот они и не заметили.

– Здравсте, – в один голос отозвались Наташа и Морошин. При этом Стас побледнел почти до синевы, а Калганова покраснела.

За взлом пароля на чужом компьютере полагалось немедленное увольнение, и они оба это знали.

– Что здесь происходит? – опять спросил директор. – Наташа!

– Ничего, Петр Михалыч, – промямлила она, – это... недоразумение. Мы сами разберемся.

Ей стало жалко дурака Морошина. Да и оказаться в роли «доносчика» не хотелось.

– Ну, смотрите. – Помолчав, Сапрыкин укоризненно покачал головой, и начальство направилось дальше.

– Пришлешь мне письмо! В нем подробно напишешь, зачем полез в мой компьютер. Не напишешь до вечера – завтра все расскажу Петру Михалычу, – прошипела Наташа и отправилась на свое рабочее место.

Часа через два ей неожиданно позвонил Выдрин.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, – услышала она приветливый голос.

Выдрина она терпеть не могла непонятно почему: дел с ним никогда не имела, а в общении он был исключительно вежлив, дамам при встрече целовал ручки, голоса никогда не повышал, козней не строил. Дамы в фирме его обожали, а Наташа не любила.

Кабинет заместителя директора располагался в самом конце коридора рядом с директорским, и Наташа по дороге заглянула в комнату Морошина – письма он ей так и не написал. На месте его не оказалось, и она разозлилась: идти к Сапрыкину жаловаться не хотелось.

– Наташа, – строго произнес Анатолий Константинович, едва она закрыла за собой дверь кабинета, – с вашего компьютера в сеть ушел вирус.

– Что?! – ахнула она.

– Садитесь, – спохватился замдиректора.

– Гаденыш! – выдохнула Наташа, стоя столбом перед столом Выдрина.

– Не понял, – опешил он.

– Это я не вам. Простите, – буркнула она.

– Надеюсь, – усмехнулся Выдрин и кивнул на стул: – Садитесь-садитесь.

Наташа уселась, а он встал и прошелся по кабинету, заложив руки за голову.

– Так что произошло с вашим компьютером? Наташа, это касается не только вас, но и фирмы, и игры в партизан сейчас неуместны.

Ее почему-то покоробили слова про «игры в партизан», но замдиректора был прав, и она призналась:

– Морошин зачем-то залез в мой компьютер в пятницу. В 22:41.

Собственно, он и предполагал нечто подобное, услышав разговор молодых программистов, и сейчас похвалил себя за проницательность.

– А как вы узнали, что это он? – удивился Выдрин.

– Программу написала, – вздохнула Наташа, – когда компьютер включается, программа фиксирует сидящего напротив.

– Зачем?

– Да так... – пожала она плечами, – делать было нечего, вот я и написала.

– Вашу бы энергию да в мирных целях, – усмехнулся он. – Ребята сейчас ваш компьютер «почистят». Погуляйте часок.

Наташа не поняла, какая такая у нее энергия и в каких целях ее нужно использовать, но согласно покивала и вышла из кабинета.

Не нравился ей Анатолий Константинович.

По дороге она опять заглянула в соседнюю комнату, и снова Морошина на месте не оказалось.

Программисты из группы администрирования возились с ее компьютером, делать ей было решительно нечего, и она, послонявшись по офису, отправилась на улицу погулять, порадовавшись, что нет дождя. Впрочем, глаза у нее не накрашены, и дождь ей не страшен.

По московским меркам, фирма располагалась почти рядом с Наташиным домом. В хорошую погоду она даже любила ходить домой пешком, вся прогулка занимала всего минут тридцать, может быть, чуть больше.

Она вдруг замедлила шаг, впервые удивившись, что в последний год ей ни разу не пришлось в голову пройтись пешком. Она больше не прогуливалась и почти перестала краситься, а ведь год назад выйти из дома с ненакрашенными глазами было для нее чем-то совершенно немыслимым.

Она очень изменилась за прошедший год.

Год назад выяснилось, что она ждет ребенка. Виктор очень обрадовался, каждое утро спрашивал, как Наташа себя чувствует, заставил ее закупить дурацких книг о том, как нужно вести себя во время беременности, и постоянно напоминал ей об «ответственности». Наташа никакой «ответственности» не чувствовала, она и без напоминаний не стала бы делать что-то во вред будущему малышу, она, как и раньше, ходила на работу, в магазины, готовила еду и не собиралась относиться к себе как к тяжелобольной.

В такой же промозглый осенний день она стояла на трамвайной остановке. Шел нудный противный дождь, ветер выворачивал зонт, а трамвая все не было. Последнее, что она помнила из того утра, это внезапно закричавшая шедшая навстречу пожилая женщина. Эту женщину в бежевой куртке с капюшоном она помнила так отчетливо, как будто была знакома с ней всю жизнь.

Очнулась Наташа в больничной палате, с удивлением глядя на плачущую мать и как будто мгновенно постаревшего отца. Уже потом она узнала, что мама внезапно и беспричинно забеспокоилась в то утро, заставила папу выяснить через полицейских знакомых, не было ли каких-то несчастных случаев, и родители приехали в больницу, куда привезли Наташу, почти вслед за ней.

Как и почему выехал на тротуар здоровый и абсолютно трезвый водитель надежной машины «Ауди», так никто и не понял. Наташа отделалась легко, много легче других стоявших на остановке людей: только сотрясение мозга, ушибы и сломанная нога. Да еще ребенка не стало...

– Витя знает? – говорить Наташе было трудно, каждое слово отдавалось болью во всем теле.

– Знает, Ташенька. – Отец наклонился и поцеловал ее в кончики пальцев: вся остальная дочь была покрыта бинтами. – Сейчас приедет.

Папа всегда был строгим, маленькая Наташа его даже слегка побаивалась, и когда ей случилось совершить что-то такое, что могло вызвать хороший нагоняй, мама брала ее прегрешения на себя – на жену отец голоса никогда не повышал. Однажды Наташа зачем-то полезла со стремянки на шкаф и уронила тяжелую старинную хрустальную вазу, причем крайне неудачно – на телевизор. Мама тогда долго ее отчитывала, но папе не выдала, сказав, что сама протирает пыль. Правда, Наташа уже тогда догадывалась, что мама все-таки говорит папе правду, но родители делали вид, что он о шалостях дочери не знает.

С тех пор как Наташа подросла, отец редко целовал ее, разве что в день рождения, и сейчас от его непривычной нежности у нее потекли слезы. Плакать ей тоже было больно, и неудобно лежать на спине, и очень хотелось, чтобы поскорее приехал Витя.

– Ну что же ты!.. – бледный перепуганный Виктор ворвался в палату. – Надо же смотреть, куда идешь!.. Хоть бы о ребенке подумала! Я чуть с ума не сошел...

– Витя! – ахнула мама. – Опомнись! Ты же знаешь, что Таша не виновата!

А отец, перебив ее, рявкнул:

– Ты что, последние мозги по дороге растерял?! Это что за причитания? Нам сейчас тебя успокаивать прикажешь?! Моя дочь чудом осталась жива... – Он махнул рукой и опять наклонился к Наташе.

Виктор растерянно замолчал, искренне не понимая, что вызвало у ее родителей всплеск негодования. Наташа уже успела по привычке почувствовать себя виноватой в том, что мужу пришлось из-за нее переживать, но ей было так больно, и она так его ждала и так сильно хотела, чтобы он пожалел ее, что слезы полились сплошным потоком. Она закрыла глаза и вдруг пожалела, что не умерла под колесами злополучной машины, и равнодушно удивилась собственным мыслям. Она хорошо понимала Витю: он переволновался, ему было страшно за жену и будущего ребенка, ему необходимо было выплеснуть свои эмоции, а на кого же их еще выплескивать, как не на нее? Не будь рядом родителей, она, наверное, как всегда, начала бы оправдываться, объяснять, что стояла на тротуаре в самом что ни на есть положенном месте, и ждала бы, когда Витя наконец ее пожалеет. Родители были рядом, и ей, лежавшей в бинтах и практически не имевшей возможности пошевелиться, успокаивать здорового мужа было нелепо. Это выглядело бы просто ненормально.

Тогда, год назад, Наташа впервые и сразу поняла, что настоящего мужа, сильного и надежного, на которого всегда можно положиться, у нее нет. Есть только вечно обиженный,

хнычущий «большой ребенок», даже в больничной палате неспособный думать ни о ком, кроме себя.

Странно только, что раньше, до аварии, Наташа, хоть и чувствовала себя почти все время виноватой неизвестно в чем и боялась огорчить Витю, всегда соглашалась с ним, даже понимая, что он не прав, но ей с ним все-таки было хорошо и как-то... легко. Вот и пешком она любила ходить, а теперь это просто не приходит ей в голову.

Наташа достала телефон и посмотрела на часы – можно возвращаться, ребята уже должны закончить с ее компьютером.

А все-таки удивительно, что сама она никакого вируса не обнаружила.

Вершинин удачно припарковался прямо напротив собственного подъезда и подумал, что это единственное, в чем ему повезло за весь этот длинный неудачный день. Установку нужно было сдавать заказчику, а платы, которые они заказали в Италии, до сих пор не пришли. Кроме того, выяснилось, что программное обеспечение по непонятным причинам периодически дает сбои, они называли это «сваливается». Программа сваливается, а программист, который ее написал, со вчерашнего дня на больничном – у него поднялась температура, и гонять на работу парня с гриппом Вершинин не хотел.

В этом году повальной эпидемии не было, но часть сослуживцев очень боялась заразиться, некоторые даже начали носить рекламируемые по телевизору маски и казались Вершинину откровенно придурковатыми. Впрочем, он телевизор практически не смотрел и о том, что соответствующие органы призывают население ходить исключительно в масках, знал от тех же сотрудников. Больше всего его удивляло, что паника перед гриппом охватила не только большинство женщин, но и многих мужчин, и если дамам он эту глупость прощал, понимая, что она, глупость, присуща слабому полу, то поведение мужчин вызывало у него откровенное недоумение.

Сначала он попытался объяснить пугливым коллегам, что вся эта гриппозная кампания затеяна, по его мнению, с одной-единственной целью – дать кому-то нажиться на панике населения, но тут поднялся страшный гвалт, сослуживцы бросились активно его переубеждать, спорить ему было лень, и с тех пор он старался не обращать внимания на маски и не слушать дурацких разговоров.

Вершинин выключил мотор, прикинул, как будет завтра организовывать испытание надоевшей всем установки, вылез из машины и включил сигнализацию. Помедлил, пропуская вынырнувшую откуда-то «Мазду», и тут увидел подходящую к подъезду соседку Танечку. Первой мыслью было спрятаться за машину, и он устыдился этой мысли, как всегда, остро пожалел бедную девушку и подумал, что с Танечкой давно надо решительно порвать, и тут же утратил того, что она станет смотреть на него несчастными глазами и говорить что-нибудь вроде:

– Хорошо, Вадичка. Ты не бойся, я не буду тебе надоедать, – после чего Вершинин всю оставшуюся жизнь будет чувствовать себя подлецом.

Он так и стоял около машины, пока Танечка не скрылась в подъезде, а потом трусливо отправился в ближайший супермаркет. Сейчас Таня наверняка отметила, что в его окнах нет света, какое-то время он проведет в магазине, а потом, если она все-таки позвонит, можно будет сказать ей, будто он только что пришел, очень устал и никак не может сегодня к ней навестись. А еще можно сказать, обрадовался он, что простудился и не исключено, что это грипп, а он не хочет ее заражать. Нет, это не пройдет, она тут же кинется его лечить...

Вершинин вздохнул, жалея и Танечку, и себя, и отчего-то все человечество в придачу.

Она переехала к ним в подъезд в прошлом году после развода с мужем. То есть это он уже потом узнал, что Таня развелась с мужем и тот великодушно разменял свою трехкомнатную квартиру, очень прилично доплатил и купил для бывшей жены однокомнатную. А мог бы и не покупать, потому что, когда женился на Танечке, квартира, в которой они стали жить, у

него уже была и Таня на нее никаких прав не имела. Бывший муж фактически до сих пор содержал бывшую жену, и Вершинин очень хорошо его понимал. Он тоже содержал бы Танечку всю оставшуюся жизнь, потому что смотреть в несчастные глаза не было никаких сил, и тоже развелся бы с ней через полгода, если бы его, не дай бог, угораздило на ней жениться. По той же самой причине и развелся бы, ведь видеть ежедневно жалобное обожание невозможно, лучше уж в Москву-реку с Крымского моста сигануть или застрелиться, если пистолет есть.

Сначала-то Вершинин понять не мог, как можно было бросить такое прелестное создание, как Танечка, и очень осуждал ее бывшего мужа, а теперь всерьез подумывал, не поменять ли свое жилье. Квартиру менять очень не хотелось: здесь жили дед и бабушка, маленький Вадик практически вырос тут, и взрослый Вадим никакого другого жилья себе не представлял.

...Супермаркет, расположенный почти рядом с домом, открылся совсем недавно. Цены здесь были, мягко говоря, высокими, и народу почти не наблюдалось в любое время суток. По огромному помещению скользили редкие покупатели с громадными тележками, и *ее* Вершинин заметил сразу. Он немного понаблюдал за ней, понимая, как это глупо, и сам не сообразил, как оказалось, что он со своей неудобной громоздкой тележкой следует за ней по всему магазину.

С тех пор как он увидел ее в первый раз, вернее, впервые обратил на нее внимание, прошло чуть больше года.

В тот день он вернулся домой раньше обычного, часа в три. В подъезде какие-то люди таскали мебель, и он, чертыхнувшись, отправился на седьмой этаж пешком. На пятом бледная, перепуганная девушка пыталась руководить грузчиками, и по всему было видно, что это у нее получается плохо. Ему пришлось задержаться: грузчики как раз затаскивали в квартиру шкаф, и тот никак не хотел проходить в дверь, перегородив путь и к лифту, и к лестнице. Девушка подняла на него полные слез глаза и пожалала плечами, извиняясь. Вершинину стало жаль ее, и через несколько минут грузчиками руководил уже он. Внесли мебель, потом раз двадцать меняли ее местами, новая соседка Танечка все не могла решить, как же лучше ее, эту мебель, расставить, потом они вместе пошли в супермаркет, потому что еды у Танечки не было и она не знала, где ее купить. Вершинин тогда совершенно обалдел и от перестановки мебели, и от Танечкиного страха, что расставили все неудачно, к тому же он действительно устал, очень хотел есть и мечтал добраться до собственной квартиры.

В супермаркете он как-то сразу Танечку потерял, навалил в тележку, что попало под руку, расплатился и ждал соседку, стоя за ровным рядом касс. Тогда он и заметил *ее*, сначала просто перепутав с новой соседкой: обе были достаточно высокими, худенькими, не светлыми и не темными, и в похожих куртках. Он почти подошел к кассе, у которой расплачивалась девушка в светлой куртке со сброшенным на плечи капюшоном, и только тут понял, что ошибся – это не Танечка. Девушка улыбалась кассирше, доставая упаковки из неудобной тележки, мимоходом скользнула взглядом по полупустому пространству за кассами и по нему, Вершинину, и его поразила исходящая от нее энергия радости. Эта энергия коснулась и его тоже, и ему стало отчего-то весело, он даже забыл, что хочет есть и хочет домой, зато вспомнил, что у него впереди еще вся жизнь и все в этой жизни зависит только от него самого. Аура, вспомнил он подзабытое слово. Мать когда-то утверждала, что умеет видеть ауру, и людей оценивала по этой самой ауре. Впрочем, это было давно, когда мама еще была... человеком.

Он стоял и смотрел на незнакомую девушку, которая теперь уже находилась у столика и переключала покупки в целлофановые сумки с логотипом супермаркета, и не сразу опомнился, разозлился на себя за глупость и зачем-то начал выискивать в незнакомке недостатки. И нашел: на ее пальце было кольцо с таким огромным бриллиантом, что он никак не мог быть настоящим, и тогда Вершинин пожалел бедную девицу за дурной вкус: выбрала бы кольцо с

камнем поменьше, глядишь, сошло бы за настоящее. Отвернулся от нее и стал искать глазами соседку Танечку.

Потом он еще несколько раз встречал эту девушку все в том же супермаркете, зачем-то проверял, есть ли кольцо на пальце – оно было, и каждый раз радовался неизвестно чему. Потом он долго ее не видел и почти забыл о ней, пока не стал снова встречать уже весной. Но теперь никакой радости девушка не излучала, его даже подмывало спросить, где же она потеряла или по собственному желанию оставила свою «ауру». Впрочем, Вершинин знал, что никогда с ней не заговорит, он вообще никогда не заговаривал с незнакомыми девушками.

Они одновременно расплатились у соседних касс, и оба перекладывали покупки в целлофановые сумки; Вершинин не заметил, как порвался один из ее пакетов, и из него попадали и покатались по полу разноцветные консервные банки. Он сначала вообще не понял, что это ее банки, просто машинально стал поднимать разбегающиеся жестянки, и только распрямившись с ними в руках, совсем рядом увидел огромные зеленые глаза. До сих пор он считал, что зеленые глаза – это метафора.

Вершинин молча шагнул назад к кассе, неловко выдернул пакет из лежавшей там стопки, сложил в него банки и протянул ей:

– Держите.

– Спасибо. – Она вежливо и равнодушно улыбнулась, взяла пакет, поправила на плече сумку и быстро направилась к раздвижным дверям супермаркета.

Он сам удивился, что почти мгновенно оказался рядом с ней и даже собственные покупки не забыл. Пакетов она несла два, и чувствовалось, что они достаточно увесистые.

– Давайте помогу, – буркнул он, чуть наклонившись и пытаясь взять пакеты из ее рук.

– Спасибо. – Она опять вежливо улыбнулась и твердо сказала: – Не стоит, мне недалеко.

– Ну, а раз недалеко, тем более помогу. – Он все-таки перехватил у нее пакеты и помедлил перед дверями, пропуская ее вперед.

Никто чужой никогда не предлагал Наташе донести до дома ее покупки, и она почувствовала явное раздражение, когда незнакомый мужчина начал настойчиво предлагать ей свою помощь, но раздражение это сразу пропало. Мужчина смотрел на нее робко и сердито, но она под его взглядом почему-то почувствовала себя важной и значительной персоной, настоящей дамой, и неожиданно для себя кивнула – несите, если хочется. К тому же сумки были действительно тяжелыми, она перестаралась, набирая продуктов.

Наташа улыбнулась, не замечая этого, и пошла не оборачиваясь. Он был высоким, значительно выше ее, и это ей тоже нравилось. Идти было всего ничего, и они шли молча: Наташа впереди, а незнакомый мужчина чуть сзади.

К вечеру по-настоящему подморозило, и уже у самого подъезда Наташа поскользнулась на покрытой тонким льдом узкой асфальтовой дорожке. Она поскользнулась, а он не успел ее подхватить, потому что замешкался в темноте незнакомого двора и очень испугался, когда она неловко упала на коленку, как будто она была хрупкой хрустальной статуэткой, не способной выдержать малейшего сотрясения. Вершинин еще успел удивиться этому своему испугу, когда кинулся к ней, но тут переполюсовился уже по-настоящему, потому что одновременно с ее падением раздался глухой хлопок, а потом почти сразу – шум отъезжающей машины.

– Вы что? С ума сошли? – зло прошипела она, когда он навалился сверху, прижимая ее к грязному холодному льду. Сумки, свою и ее, он так и продолжал держать в руках.

Вершинин поднялся, молча поставил сумки на асфальт, нашарил в кармане телефон и, подсвечивая им себе, стал внимательно изучать стену дома.

Звук выстрела из пистолета с глушителем он слышал только в кино, и девушка казалась весьма далекой от мафиозных разборок, но происшедшее ему не понравилось.

Наташа, чуть не кряхтя, поднялась, отряхнула рукой колени и рукава куртки и молча наблюдала за его манипуляциями.

Следов выстрела Вершинин не обнаружил, но это ничего не значило – у него не было опыта в таких делах, тревога не отпускала. Вершинин покрутил головой, оглядывая незнакомый двор, и кивнул ей на лавочку около детской песочницы.

Наташа потянулась за сумками, но он ее опередил, поставил пакеты на лавочку, протер ладонью деревянное сиденье и сделал приглашающий жест – садитесь. Наташа помедлила, но уселась, а он все продолжал стоять, размышляя.

– Вот что, – наконец решил он, – давайте-ка пойдем куда-нибудь в нормальное место, в «Якиторию», что ли. И там поговорим.

Совсем рядом находился японский ресторан «Якитория», куда Вершинин иногда заглядывал.

– Вы любите японскую кухню?

– Не люблю, – ответила она, – терпеть не могу. Вы женаты?

– Нет.

– А я, видите ли, замужем. Боюсь, моему мужу не понравится, если мы сейчас с вами в ресторан отправимся.

– Ну, как хотите, давайте здесь разговаривать. – Он пристроился на лавочке рядом с ней и неожиданно ляпнул: – Камень настоящий?

– Камень? – не поняла она и тут же догадалась, повертела рукой, словно давно не видела собственного кольца, и подтвердила: – Настоящий.

– Вы богатая наследница?

– Нет. – Она посмотрела на него, улыбнулась и стала похожа на себя прежнюю, давешнюю, излучавшую сияние радости. Ауру.

– Жаль.

– А уж мне-то как жаль, – снова улыбнулась она и тут же отвернулась, внимательно рассматривая что-то в пустой песочнице перед ними.

– Как вас зовут?

– Наташа. То есть Наталья, – зачем-то поправилась она, все так же глядя в песочницу.

– Вадим. Наташа. – Он вздохнул и, рискуя показаться полным дураком, спросил: – В вас сейчас стрелять не могли?

Она повернулась и серьезно и внимательно посмотрела на него.

– Почему стрелять должны были в меня? Почему не в вас?

– Потому что меня некому пытаться убить. И меня никто не стал бы поджидать у вашего подъезда.

– Ну так и меня некому, – она развела руками. – Я не богатая наследница и не знаю государственных тайн, я не занимаюсь политическими расследованиями. Зачем в меня стрелять? Вы уверены, что в нас стреляли?

– Не уверен. Был бы уверен, уже полицию бы вызвал. – Он проследил за ее взглядом, она опять смотрела в песочницу.

– Вы живете вдвоем с мужем?

– Да.

– А квартира чья?

– Моя. – Она оторвалась от песочницы, посмотрела на него и улыбнулась: – Дом видите? Нормальная хрущевка, говорят, скоро сносить будут. Квартира двухкомнатная, комнаты смежные, площадь не помню, но там и одному человеку тесно. Четвертый этаж без лифта. Думаете, кто-нибудь польстился?

– Не знаю, что и думать, – признался он. – А работаете вы где?

– Программистом в частной фирме. На руководящие должности не претендую, чужую работу не отнимаю. Вадим, – она внимательно посмотрела на него и серьезно сказала: – Стреляли в вас. Если стреляли, конечно.

Он не был уверен, что звук, который его смутил, это выстрел. Еще меньше он был уверен, что стреляли именно в нее, а не в воздух, например. Но доводить любое дело до конца давно стало его привычкой.

– Давайте вот что сделаем: я буду возить вас на работу и обратно. Где вы работаете? Территориально? – предложил Вершинин.

– Не говорите ерунду. – Она встала и потянулась за сумками. – Спасибо, что помогли. До свидания.

Он молча взял сумки и довел ее до самой квартиры.

Наташа захлопнула дверь, поставила пакеты на пол и посмотрела в глазок: лестничная площадка была пуста, и ей отчего-то сразу стало грустно.

– Наташа! – растерянно проговорил Виктор, целуя ее и помогая снять куртку. – У меня неприятности.

– У меня тоже, – вздохнула Наташа.

– Да-а? А что случилось?

Она собиралась рассказать, как только что незнакомый мужик предположил, что в нее могли стрелять, но сказала почему-то совсем другое:

– Сегодня с моего компьютера в сеть пошел вирус. – Наташа повесила на плечики куртку и закинула платок на верхнюю полку шкафа.

– Но ты же этого не делала?

– Вить, ты с ума сошел?

– Ну, значит, разберутся, – с облегчением произнес он, его решительно не интересовали ее проблемы. – Ты представляешь, у нас все-таки будет сокращение. Я же говорил, что будет! Я говорил об этом еще год назад!

Она подняла сумки и прошла на кухню.

– Тебя сокращают?

– Не знаю. Я не представляю, что делать!

Наташа промолчала. Муж действительно уже год почти непрерывно твердил, что периодически возникающие в правительстве разговоры о сокращении управленческого аппарата неминуемо повлекут за собой массовые увольнения, и это обязательно их, Виктора и Наташи, коснется. Только почему-то ничего при этом не делал, чтобы их это не коснулось или прошло как можно менее болезненно. Например, даже не пытался искать другую работу.

В компанию, где он сейчас трудился, Виктор устроился три года назад, до этого преподавал на кафедре института, который когда-то окончила Наташа. Компания занималась инспектированием энергетических объектов. В чем конкретно выражалось «инспектирование», Наташа толком не знала и считала, что скорее всего «инспекторы» только мешали работать тем, кто действительно дает свет в дома и на предприятия.

– Ну вот что теперь делать?! Что делать? – Он стоял в дверях кухни, причитал и качал головой из стороны в сторону.

– Вить, ты не останешься без работы, – Наташа постаралась, чтобы ее голос звучал участливо, – в конце концов пойдешь на объект.

– Монтером?! – почти взвизгнул он.

– Почему обязательно монтером? Там наверняка и другие должности есть...

– Я, кандидат наук, буду выяснять, какие должности есть на объектах? Может, мне с работягами еще и водку пить прикажешь? – Он обреченно походил по крохотной кухне, мешая ей убирать продукты в холодильник.

Наташа не понимала, почему, если речь идет о выживании, нельзя поработать на объекте даже монтером. Она помнила, как в девяностые годы, когда родителям чуть ли не годами не платили зарплату, отец устроился ночным грузчиком в булочную. Днем трудился у себя в научном институте, а ночью разгружал машины с хлебом. А они с мамой им гордились, и его уважали, и не видели в этом ничего зазорного.

– На кафедру вернешься. – Она слегка подвинула Витю, он мешал открыть дверь холодильника.

– На кафедру?! Копейки получать? А если и тебя уволят?

– Тогда помрем с голоду, – ответила она.

– С тобой невозможно разговаривать, – тихо произнес он, и Наташа испугалась, что он сейчас заплачет. – Раньше ты была совсем другой...

Раньше она бы начала охать и причитать, как и он, может быть, даже заплакала бы от страха перед жизнью, и он обнимал бы ее и говорил, что она одна его понимает и он не представляет себе жизни без нее.

Она изменилась год назад, когда он упрекал Наташу за то, что ее сбила машина, а она не стала его жалеть, потому что ей было стыдно перед родителями.

Вторник, 10 ноября

Наташа опять пришла на работу первой и, раздеваясь в пустой комнате, залюбовалась собой в зеркале. Сегодня ей впервые после долгого перерыва захотелось накраситься, и теперь она казалась себе божественно красивой.

Она вспомнила вдруг вчерашнего Вадима, как он навалился на нее всем телом, словно действительно прикрывал от пуль, и ей стало так весело, что она прыснула, радуясь, что ее никто не видит.

Она включила компьютер, полила цветы, заглянула в соседнюю комнату – Морошина опять не было, дальше день покатился по обычной колее, пока перед самым обедом неожиданно не позвонила школьная подруга Лариса Щербакова, в замужестве Брагина.

– Наташ, давай встретимся, – робко предложила Лариса.

– После работы? – удивилась Наташа. Обычно они договаривались о встрече заранее.

– Когда хочешь. Можно после работы, можно пораньше. Я на больничном – Степка болеет. А у Виталика сегодня выходной.

Виталик Брагин учился в параллельном классе и лет с двенадцати был надежно и преданно влюблен в Ларису. Они поженились, как только им исполнилось по восемнадцать, сейчас растили сына Степана и всегда служили для Наташи примером абсолютного семейного счастья.

– Давай, – согласилась она, – хочешь, ко мне приезжай. Хочешь, я к вам приеду.

– Нет, – быстро отказалась Лариса, – давай... на нейтральной территории.

– Лар, что-нибудь случилось? – Наташе почудилось что-то необычное в голосе подруги.

Та помолчала и виновато произнесла:

– Давай встретимся. Тогда расскажу.

В четыре часа Наташа ждала подругу в небольшом уютном ресторане, где они уже однажды встречались.

Невысокая и очень живая Лариса, всегда словно излучавшая веселье, показалась Наташе расстроенной и даже как будто нездоровой.

– Лара, что случилось? С Виталиком что-то? Или со Степой? – всерьез испугалась она.

– Нет, – Лариса старалась не смотреть на нее, и Наташа почувствовала, что начинает паниковать, – с тобой.

– Что?!

– Случилось с тобой. – Подруга помолчала, вертя в руках книжечку меню. – Я не знаю, правильно поступаю или нет. Виталик говорит, что не нужно тебе рассказывать...

– Лара, не тяни! Не пугай меня!

– Я много раз видела Виктора с женщиной.

Наташа облегченно вздохнула, подруга перепугала ее до полусмерти. Трудно сказать, чего она ожидала, но известие, что Виктор ей изменяет, показалось ей сущей ерундой. А речь шла именно об измене – Лариса была очень тактичной и наблюдательной и пугать подругу по пустякам не стала бы.

Они заказали по салату и кофе, есть ни той, ни другой не хотелось. То есть еще десять минут назад Наташе казалось, что она готова упасть в голодный обморок, а сейчас аппетит пропал совсем. Можно было и салат не заказывать.

– У нас рядом с работой есть ресторанчик маленький, вроде этого, – Лариса обвела глазами зал. – Я туда часто хожу, очень уж в столовой готовят невкусно. Я там обедаю и часто встречаю Виктора с женщиной. Они целуются как... как любовники, – выдохнула подруга. – Понимаешь, это сразу... чувствуется.

Наташа кивнула. Она понимала, что близкие отношения... заметны окружающим.

– Ну вот. Мне уже давно казалось, что он меня там не один раз видел. И узнал. Я думала, они будут куда-нибудь в другое место ходить, а они продолжают там встречаться как ни в чем не бывало. Я в четверг не выдержала, прошла мимо их столика и поздоровалась. Так он со мной тоже поздоровался, совершенно спокойно, даже руку с ее плеча не убрал. Только поморщился: видно, не ожидал от меня такой... наглости. А вчера опять появились, целуются, держатся за ручки... Господи, хоть бы ресторан поменяли, их же на каждом шагу навалом! И я решила тебе сказать. Наташ, ты прости, если...

– Ты все сделала правильно, спасибо тебе, – перебила Наташа. – Жаль, что раньше не сказала... А когда они начали встречаться, не помнишь?

– Помню, – чуть не плакала Лариса, – отлично помню. В тот день, когда тебя машина сшибла. Я тогда еще ничего про тебя не знала. Виктор очень нервничал, это было заметно. Они тогда поскромнее держались, мне сначала и в голову не пришло, что...

– Лара, – опять перебила Наташа, – а они... часто там обедают?

– Раза два в неделю. То есть девица-то почти каждый день, как и я. А он появляется два раза в неделю, иногда реже. – Подруга залилась краской. – После обеда садятся в такси. А когда она одна бывает, то уходит на своих двоих, видно, тоже работает где-то рядом.

Наташа отодвинула почти нетронутый салат. В тот день, когда она лежала вся покрытая бинтами и наполненная болью и ждала его и ей казалось, что, как только он появится, ей сразу станет легче, боль отпустит и она сможет выдержать унижение беспомощностью, он обедал в каком-то ресторане с неизвестной женщиной, разговаривал, скорее всего, очень себя жалел – как же, у него жена в больнице, и он очень переживает, – и получал сочувствие от этой незнакомки.

Наташа знала, что муж слабый, трусливый, безвольный и капризный, но она никогда не думала, что он законченный подлец, который способен проводить время с какой-то дамой, зная, что жена едва не погибла, что она страдает и ждет его. Наташе показалось, что мир вокруг изменился: и Лариса, и официант в черном костюме с галстуком-бабочкой, и даже улица за окном вдруг посинели, как будто она надела очки с синими стеклами. Это было так удивительно, что Наташа завертела головой, стараясь получше рассмотреть фантастическую действительность, и опомнилась только тогда, когда почувствовала, что перепуганная Лариса трясет ее за плечо.

Наташа подняла руки, чтобы протереть глаза, и отдернула – вспомнила, что сегодня, как назло, накрутила ресницы. А ведь из-за вчерашнего Вадима накрутила... Тут ей стало так жаль, что она не пошла с ним в японский ресторан, не выпила вина, не съела противной сладковатой рыбы. Может быть, проведи она вечер с Вадимом, ей не было бы сейчас так жутко.

– Ничего, – успокоила подругу Наташа, – я в порядке.

Очень хотелось спросить, как выглядела та женщина, с которой Вите было лучше, чем с ней, но она не спросила – это было бы уж совсем унижительно. Даже перед лучшей подругой унижительно. И перед собой.

– Я тебя отвезу, – Лариса осторожно держала ее за локоть, как будто боялась, что она сбежит или грохнется в обморок. – А хочешь, поедем к нам?

– Отвези, – кивнула Наташа.

С недавних пор у Ларисы была маленькая «Дэу», которую она очень любила и ездила на ней даже тогда, когда проще было дойти пешком.

«Куплю себе машину, – решила Наташа. – Займу у родителей денег и куплю».

В окнах квартиры горел свет, Виктор был дома. Наташа вошла в подъезд и медленно поплелась по лестнице. Отперла замок и устало привалилась к захлопнувшейся двери.

– Витя, – вышедший в прихожую муж собирался что-то сказать, но Наташа его перебила: – Ты мне изменяешь?

– Ну, Брагина! Ну, стерва!.. – Виктор смешно схватился за голову и закружил по прихожей.

– Лариса стерва? Ты мне изменяешь, а виновата Лариса? – опешила Наташа и зачем-то спросила: – А при чем тут она вообще?

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, по-видимому, спросить, откуда она узнала, если не от Ларисы, но так и не спросил.

– Витя, уходи, – устало сказала Наташа.

– Что? – искренне изумился он.

– Уходи, пожалуйста.

– Но... Это что же... все? Да? Я вот сейчас прямо так и уйду, да?

– Витя, уходи.

Наташа смотрела на мужчину, с которым прожила девять лет и которого когда-то очень любила. Она знала, что вступать в пререкания нельзя, иначе они будут выяснять отношения до утра, и понимала, что объяснять ему что-то бесполезно. Если человек на четвертом десятке не понимает, что обманывать женщину, которая ему верит, подло, значит, не поймет никогда.

– Наташа...

Он попытался обнять ее, и она испуганно попятилась.

Она так и стояла в куртке у входной двери и повторяла как заведенная: «Витя, уходи», – пока он пытался ее образумить, а потом, молча и насупившись, собирал вещи в дорожную сумку. И только когда он уже шагнул к двери, Наташа вспомнила:

– Отдай ключи.

– Что-о?

– Отдай ключи. Я не хочу, чтобы ключи от моей квартиры были у чужого любовника.

Он порылся в кармане и протянул ей связку. Наташа тоже сунула ее в карман и отступила, давая ему пройти. А потом, когда хлопнула внизу дверь подъезда, тихо заплакала, уткнувшись лбом в стену.

Утром Вершинин проспал. Он почти всегда просыпался рано и заводить будильник забывал, и вчера, как назло, забыл. Он наскоро собрался на работу, выезжая из двора, помедлил и свернул налево, совсем не туда, куда ему было нужно. А ведь ему все утро казалось, что он почти не помнит о Наташе. То есть о Наталье. Он даже злился на себя за вчерашние проводы, ему было совсем не свойственно провожать случайных девушек. И только мысль о возможном выстреле в какой-то степени его оправдывала, словно этот непонятный выстрел каким-то образом связал его с девушкой Наташей. Натальей.

Если стреляли, то стреляли в нее. Во-первых, в него-то точно стрелять некому и незачем, у него ничего нет, кроме квартиры и машины. Квартира по завещанию отходила тетке, он и сам не знал, зачем написал завещание – он собирался жить долго. Наверное, затем, чтобы ни отцу, ни матери бабушкина квартира не досталась ни при каких обстоятельствах. И отца и мать Вершинин почти ненавидел.

Ну а во-вторых, когда он прижимал Наталью к мерзлому асфальту, он просто физически чувствовал, что опасность угрожает ей.

Вершинин бросил машину, немного не доехав до ее дома, и под морозящим дождем медленно обошел двор. Трудно сказать, что он ожидал увидеть, но почему-то при виде редких спешащих прохожих да несчастных собачников, торопящих своих мокрых псин, внезапно подступившая тревога отпустила, он постоял еще немного около лавочки, на которой они вчера сидели, вернулся мыслями к неготовой установке и поехал на работу.

Наконец-то прислали долгожданные платы, и уже к трем часам установка была не только собрана, но и без единого сбоя прошла все необходимые тесты. Вершинин посмотрел на часы, висящие на стене лаборатории, и поблагодарил присутствующих, что означало – все сво-

бодны. И только тогда заметил, что стоящие рядом коллеги смотрят на него не только удивленно, но как будто с некоторой обидой. После обязательных испытаний Вершинин всегда сам заново тестировал каждый сдаваемый прибор, при этом пытался создать нештатные ситуации и даже дергал провода, проверяя качество монтажа, и сегодняшнее его равнодушие не могло не вызвать вполне понятного удивления.

Ему стало стыдно – ребята сработали на совесть, но задерживаться он просто больше не мог: душным тягучим комом накатило беспокойство. Он пытался говорить себе, что его не касаются проблемы совсем чужой Натальи, что у нее есть муж, и он, Вершинин, совсем ей не нужен, да и она ему не нужна, ему хватает Танечки, но уговоры не помогали. Вершинин извинился перед присутствующими, попросил еще раз проверить все без него, успокаивая себя тем, что на тестирование еще есть в запасе несколько дней, и через сорок минут въезжал в уже знакомый двор.

Припарковался он удачно, наискосок от ее подъезда. Как и утром, обошел двор, непонятно отчего заметно успокаиваясь, и снова устроился в машине, глядя на выкрашенную зеленой краской дверь.

Он едва не пропустил ее: сегодня она была в другой куртке, в темно-красной, он не знал точно, как называется этот цвет. Видно, после вчерашнего кувырканья на ледяном асфальте светлая куртка пришла в полную негодность. Сначала он хотел выскочить из машины, но понял, что догнать ее не успеет, и наблюдал, как тонкая фигурка скрывается за унылой зеленой дверью подъезда. Он еще посидел, ни о чем не думая, и только тогда понял, что очень хочет есть, потому что времени перекусить на работе не было, и тут же опять почувствовал острую тревогу, почти панику, потому что опасность могла подстеречь ее в подъезде. Он выскочил из машины, мгновенно оказавшись у зеленой двери, набрал код – видел вчера, какие кнопки она нажимала, и побежал вверх по лестнице. В подъезде было тихо, вернее, из квартир доносились уютные вечерние звуки, слабо различимые голоса, почти неслышная музыка. Ничего страшного, неожиданного не было. Он задержался у ее двери, откуда доносились голоса – мужской и женский, отчего-то почувствовал острую обиду и тут же поднялся выше, к самому чердаку, загороженному железной решеткой.

Вниз он спустился не торопясь, почему-то зашпешив только на ее этаже. Снова сел в машину и принялся смотреть на дверь подъезда. Напоминал себе, что голоден, понимал, что нужно уезжать, но не трогался с места.

Наташа слонялась по квартире, радуясь, что родители в отпуске, звонить не будут, и можно отключить все телефоны. Почему-то знакомые вещи казались чужими, и ей было страшно к ним прикасаться. Она уже выкурила на кухне полпачки сигарет, в доме стоял отвратительный запах и чуть ли не висел дым, а она все ходила из комнаты в кухню и обратно, пока не увидела себя в висевшем в прихожей зеркале. Сначала Наташа даже не поняла, что смотрит на себя саму, держащуюся руками за волосы, как будто хочет их выдрать, и даже приблизилась к зеркалу, чтобы получше изображение рассмотреть, а потом ужаснулась. Ей не хотелось узнавать себя в смотревшей на нее безумными глазами незнакомой старой женщине, она же точно знала, что еще совсем недавно, утром, украдкой любовалась собой на работе.

Наташа решительно подошла к окну в кухне, открыла его почти настежь, достала из буфета большую рюмку, нашла в холодильнике початую бутылку коньяка, наполнила рюмку и выпила почти залпом. Подышала немного открытым ртом, снова наполнила рюмку и не торопясь направилась в комнату к компьютеру. Пока ноутбук загружался, она еще отпила немного, удивляясь полному отсутствию мыслей в голове. Снова захотелось курить, но она пересилила себя, поставила рюмку около клавиатуры и защелкала мышью, ища в списке файлов, уложенных той самой программой, фиксирующей каждого, кто включает компьютер, октябрь про-

шлого года. Она совсем не удивилась, увидев за спиной Виктора женщину, только для верности посмотрела на число – точно, 23 октября. Ее первая ночь в больнице.

Наташа отпила из рюмки, встала, снова прошлась по квартире и посмотрела на себя в зеркало. Слава богу, старая незнакомая женщина исчезла, это опять была она, Наташа, только очень бледная, с красными глазами, как при тяжелом гриппе.

Она вернулась к компьютеру, хотела сразу же удалить страшные снимки, но не удержалась, посмотрела на обнимавшую Витю женщину в ее, Наташином, розовом халате с вышитыми на нем ветками сирени.

Халат подарила мама, и Наташа его очень любила. Он был совсем старый, Наташа периодически подрезала торчащие из махровой ткани нитки, но ей никогда не приходило в голову купить себе другой. Почему-то именно то, что чужая женщина надевала ее халат, показалось Наташе самым ужасным и обидным, даже более обидным, чем то, что эта чужая баба обнимала ее мужа.

Она прошла на кухню, достала мусорный мешок и осторожно, двумя пальцами, сунула в него розовый халат. Потом подумала, прошла в маленькую спальню, зачем-то стянула постельное белье и сунула в тот пакет.

Вернулась к компьютеру, стараясь не смотреть на экран, стерла все файлы, аккуратно уложенные программой-камерой, вычистила «корзину» и выключила ноут.

Натянула куртку, проверила, не забыла ли ключи, взяла пакет и захлопнула за собой входную дверь.

Теперь она жалела, что видела любовницу мужа в своем халате. Лучше бы она не знала, с кем был Виктор, когда она лежала в больнице. Может быть, в этом случае ей не было бы сейчас так отвратительно. Женщину звали Катя. Наташа видела ее единственный раз совсем давно, даже странно, что сразу ее узнала. Она видела Катю, когда они впервые поспорились с Витей.

Тогда муж повел знакомить ее с друзьями-одноклассниками на Восьмое марта. Идти ей не хотелось, она побаивалась незнакомых людей, которые были почти на десять лет старше, что для двадцатилетней Наташи казалось непреодолимой пропастью. Но Виктор считал, что она обязательно должна пойти, а все, что считал муж, было тогда для нее однозначно правильным, и она пошла. Она улыбалась, когда он целовался со всеми входившими женщинами, среди которых была и Катя, тихонько сидела в уголке, когда он танцевал с этими дамами, прекрасно понимая, что она никому здесь не интересна и не нужна, и ни на кого не обижалась. Прямо напротив дивана, на котором она примостилась, висели очень красивые старинные часы. Наташа все время смотрела на них и торопила время, а когда прошло ровно два часа с того момента, как она уселась на этот диван, тихонько встала, вышла в прихожую, оделась и уехала домой.

Она была уверена, что Витя очень скоро позвонит и попросит прощения, и приготовилась сказать ему, что все понимает и совсем не обижается, но чтобы в следующий раз он ее все-таки не бросал одну в незнакомой компании.

Позвонил Виктор только через сутки, когда она чуть с ума не сошла от беспокойства за него, ей просто не приходило в голову, что он может не поинтересоваться, как жена добралась до дома, все-таки ушла она от веселящейся компании в одиннадцать вечера, практически ночью. Виктор позвонил и сразу начал кричать, что она поставила его в дурацкое положение перед друзьями, что она не умеет находить с людьми общего языка, что она истеричная хамка и еще что-то ужасное, что просто не укладывалось у Наташи в голове, ведь она всегда считала себя человеком воспитанным и тактичным. От обиды, от пережитого беспокойства, от нелепости происходящего Наташа тогда отчаянно разрыдалась, ужасаясь тому, что довела любимого Витю до такого нервного срыва, что он срывается почти на визг. Тогда она впервые услышала

этот его визг, потом много лет боялась его повторения и в последний год мужа откровенно презирала за постоянные истерики.

Она тогда рыдала, и просила прощения, и мечтала только о том, чтобы этот кошмар скорее кончился, чтобы муж снова стал ее прежним Витей, добрым и ласковым.

Она рыдала, а нужно было гнать его в шею. Еще тогда.

Вершинин так и сидел в темном чужом дворе, думал об установке, о завтрашнем дополнительном тестировании, о том, что нужно что-то решать с Танечкой, и почти не поверил собственным глазам, когда заметил Наташу, бредущую в темноте от мусорных баков, и почувствовал злое раздражение. Это какой же душой нужно быть, чтобы искушать судьбу! У нее, что, совсем нет инстинкта самосохранения?

Он догнал ее уже у самого подъезда, ему хотелось встряхнуть ее хорошенько и напомнить, что вчера, возможно, ее спас только случай. Или бог, если она верует.

Она остановилась, когда он вырос перед ней, сегодня Наталья казалась совсем другой, не такой, как вчера, и не такой, как год назад, и он, помолчав немного, спросил:

– Что случилось?

Она совсем не удивилась, вздохнула, огляделась по сторонам и объяснила, глядя куда-то в сторону:

– От меня ушел муж. Только что. То есть я его выгнала.

Ей так легче, решил Вершинин. Ей легче думать, что она сама выгнала мужа.

Она открыла дверь подъезда и медленно поплелась по лестнице. И не удивилась, когда он стал подниматься за ней.

Квартирка оказалась действительно крошечной. Вершинин подумал немного, разулся и, повесив на вешалку ее куртку, которую она бросила на тумбочку, а потом и свою, в одних носках прошел за ней в комнату. Она сидела в кресле перед компьютером, равнодушно наблюдая за Вершининым. Рядом с клавиатурой стояла доверху наполненная чем-то рюмка. Он поднял рюмку, понюхал содержимое и понес на кухню.

– У меня мать спилась в такой же ситуации, – объяснил он оттуда, выплеснув коричневую жидкость.

– Я не сопьюсь. – Она потащила за ним и прислонилась к дверному косяку, как будто сил стоять прямо у нее не было.

Вершинин критически ее оглядел и покивал – то ли согласился с тем, что она не сопьется, то ли, как раз наоборот, что сопьется.

Он хорошо помнил, как уходил отец. Вадику было тогда шесть лет, он болел, видел, что родители ссорятся, и очень хотел их помирить.

– Папа, – потянул отца за рукав маленький Вадик, – мама плачет.

Отец вырвал руку, и сын испугался, что сделал только хуже. Нужно было забиться куда-нибудь в угол и молчать.

Отец присел перед ним на корточки, потрепал по плечу и пообещал:

– Вырастешь – поймешь.

Вершинин давно вырос, но отца так и не понял.

Он не понимал, как можно собрать вещи и уйти, когда плачет жена. И болеет маленький сын.

– Вадим, – Наташа вдруг испугалась, что он заметил развороченную постель в маленькой комнате и обо всем догадался. Почему-то именно то, что он знает, зачем она ходила к мусорным бакам, показалось ей настолько унижительным, что Наташа опять чуть не схватила себя за волосы, как тогда, когда металась по квартире и еще не видела себя в зеркале. – Уходите. Пожалуйста.

Вадим закрыл чайник – только что он снял с него крышку, проверяя, налита ли вода, снова покивал, непонятно что выражая этим, протиснулся мимо нее и, уже одевшись, велел:

– Никуда из дома не выходите!

Наташа кивнула – никуда она не пойдет, некуда и незачем.

– Заприте за мной дверь.

Она снова кивнула.

Он помедлил, попрощался кивком, и она щелкнула железной щеколдой.

Дверь, ведущая из большой комнаты в маленькую, оказалась закрытой. А Наташа и не помнила, когда успела ее прикрыть.

Он понимал, что сегодня уже ничего не получится. Она не отвечает на звонки, он несколько раз пытался дозвониться до нее с подержанного телефона, купленного зачем-то около большого рынка, который почти сразу после этого закрыли на волне борьбы с нелегальной миграцией. Он тогда еще ничего не планировал по отношению к ней, и телефон этот, наверняка ворованный, был ему совершенно не нужен, и у рынка он оказался совершенно случайно – проезжал мимо и остановился купить сигарет. Он давно уже ничего не покупал на рынках, но молодая цыганка, сверкая золотыми зубами, уверяла, что телефон этот принесет ему счастье, и он купил, чтобы она отвязалась. По дороге к машине еще подумал, не выбросить ли трубку сразу. Не выбросил, сунул в карман.

Ему не хотелось уезжать, ему хотелось наконец покончить со всем этим и жить дальше.

Музык в темной куртке, который второй день крутился около нее и мешал ему, вышел из подъезда, сел в «Хонду» и уехал. Он снова набрал номер ее мобильного, а потом городского, и снова услышал длинные гудки. Можно было попытаться подняться в квартиру, но, если она увидит его в глазок и решит не открывать, объяснить свой визит он не сможет. Она не дура, ее обмануть сложно.

Он опять подумал, как было бы хорошо, если бы он ее не знал.

Вздохнул, наклонился и повернул ключ зажигания.

Среда, 11 ноября

Как ни странно, Наташа крепко проспала всю ночь и проснулась, только когда прозвенел будильник. Сон ей приснился хороший. Будто они с Витей гуляют по весеннему лесу, полному ландышей и еще каких-то цветов, незнакомых и очень красивых. Наташа взяла в руки прекрасный цветок, похожий не то на розу, не то на мальву, и замерла от восхищения, и позвала Витю, но его почему-то не оказалось рядом, и тогда она начала озираться, удивляясь, куда он исчез, и, уже почти проснувшись, пожалела, что он так и не увидел восхитительного цветка. Она не сразу вспомнила, что Вити в ее жизни больше нет, что она ему больше не нужна, а нужна бывшая одноклассница Катя.

Наташа полежала немного, поглазела в потолок, вздохнула, потому что больше нет любимого и единственного халата, натянула старую «дачную» фланелевую рубашку и пошла ставить чайник.

О том, что она отключила телефоны, Наташа вспомнила только уже полностью одетая. Включила оба: и мобильный, и городской, надела ботинки и куртку, заперла дверь и сразу же полезла в сумку, потому что сотовый заиграл гитарный этюд незнакомо автора, который она недавно установила в качестве звонка.

– Ой, Сереженька, привет, – обрадовалась Наташа и улыбнулась, и удивилась этому – вчера ей казалось, что она никогда больше не сможет улыбаться, после того, как Катя надевала ее халат.

– Наташ, ты... это... Чего к телефону не подходишь? – спросил серьезный голос, и она как наяву представила нахмуренный лоб.

– Да так... – Наташа чуть не споткнулась на ступеньке, перехватила телефон другой рукой и стала придерживать за перила, спускаясь по лестнице. – Спать рано легла. Вот и выключила, чтобы не будили.

– Ну слава богу, – обрадовался голос. – А то я уж заволновался. Ты не заболела?

– Нет, – опять улыбнулась Наташа. – А ты? Говорят, эпидемия подступает.

– И я не болею. – Голос стал совсем грустным. – У нас мало кто болеет. Ладно, побегу я.

– Счастливо. Отметки какие-нибудь получил? – спохватилась она.

– Получил вроде... Или нет, что ли? Не помню.

– Ладно, черт с ними, с отметками. Беги, учись. – Наташа захлопнула дверь подъезда, сунула телефон в сумку и посмотрела на небо. Все как всегда: грязные низкие облака, никакого просвета. Дождя нет, и за то спасибо.

Сережу она знала давно, с тех самых пор, когда директор впервые привел крошечного сына на работу, потому что тот кашлял, не ходил в сад, и его не с кем было оставить. Уже тогда Сережа был чрезвычайно серьезным, взрослых слушался, в чужие компьютеры не лез и сразу стал ходить за Наташей хвостом, как будто знал ее единственную давным-давно. Это было удивительно, потому что остальные женщины с ним сюсюкали, брали на руки, пытались рассказывать сказки и всячески развлекать. А Наташа не пыталась. Впрочем, тогда фирма была совсем маленькой и женщин в ней работало всего три: сама Наташа, Марина Петровна, ныне замдиректора по хозяйственной части, да Дарья Викторовна, бухгалтер. Теперь главный бухгалтер.

Наташа с детьми обращаться не умела и поначалу от Сережи очень уставала, потом привыкла и стала очень скучать, когда Петр Михайлович долго не приводил сына. Сейчас она знала о Сереже все: какие у него отметки, какие друзья и за что его ругала мама.

Жена директора была писаной красавицей, модельером, хозяйкой модного ателье, звалась редким именем Александрина и Наташу терпеть не могла. Однажды, приехав за маленьким Сережей, красавица Александрина долго не могла увести его от Калгановой, ехать с мамой

сын решительно не хотел, хотя Наташа его и уговаривала, а уходя, заплакал. С тех пор жена шефа Калганову старалась не замечать, а если замечала, то только что не морщилась. А вот директору почему-то дружба сына с молодым программистом нравилась; когда Наташе случилось разговаривать с Петром Михайловичем наедине, тот всегда рассказывал ей о Сереже и посмеивался над тем, что для него Наташино мнение весит чуть ли не больше его собственного, отцовского.

Вершинин видел, что свет в ее квартире погас, и ждал, когда Наташа спустится, и все равно, когда это случилось, почему-то удивился и обрадовался, и тут же разозлился, потому что она убирала в сумку телефон и улыбалась. От нее вчера ушел муж, а сейчас она улыбается кому-то другому. Он рассвирепел и пожалел, что ждал ее вместо того, чтобы заниматься установкой, и понимал, что ведет себя как школьник-старшеклассник, и решил больше никогда не появляться в этом дворе.

Вышел из машины, открыл ей дверь и буркнул:

– Садитесь.

Она удивленно посмотрела на него – не ожидала встретить, и в ее лице появилось что-то такое, отчего вся его злость куда-то пропала, и ему тоже захотелось улыбнуться, но он не сделал этого. Все-таки от нее вчера ушел муж, и сейчас улыбаться казалось ему неуместным.

Она уселась и опять посмотрела на него удивленно и робко, и он вдруг понял, что все делает правильно. К тому же в нее стреляли, и кто-то должен ее защитить. Вот он и будет защищать.

– Куда? – Он старался на нее не смотреть, но ему очень хотелось, и он все-таки косился.

– На Семеновскую. Спасибо.

– На Семеновскую? Так близко? – удивился он. – Вы пешком ходите?

– Хожу иногда, – вздохнула она. – То есть раньше ходила.

Он потихонечку начал выезжать из двора. Раньше она ходила пешком на Семеновскую площадь и носила ауру. Интересно, где же она ее потеряла?

Он опять покосился на Наташу, на ее руки, лежащие на черной сумке, заметил, как почти мгновенно сверкнул бриллиант, и пригляделся уже повнимательней. Обручального кольца, которое она носила вместе с роскошным перстнем, не было.

Доехали они минут за пять. Все это время Вершинин придумывал, что бы такое сказать, да так ничего и не придумал. И только остановившись на трамвайной остановке напротив высокого офисного здания, неожиданно спросил:

– Вы его очень любите?

Спросил и сразу пожалел об этом. Ему не хотелось слышать, что она любит мужа.

– Нет, – не задумываясь ответила она и зачем-то объяснила: – Раньше очень любила, а потом... не очень.

Когда-то Наташа сильно любила Виктора, без него каждая прожитая минута казалась ей тусклой, она гордилась им и боялась, что когда-нибудь он поймет, что она, имеющая, как и все люди, какие-то недостатки, не пара ему, почти богу, никаких недостатков не имеющему. Потом, после той давней встречи Восьмого марта, когда она единственный раз видела Катю, Наташа тоже очень любила его, любила уже со всеми его недостатками и всячески старалась его не обидеть, и просила прощения, если все-таки обижала, и постоянно чувствовала свою вину. Она как-то сразу избавилась от чувства вины, когда лежала в больнице, почти ничего не соображая от боли, и не стала оправдываться, потому что стеснялась родителей. Но и тогда Наташа любила его.

Или уже нет?

– Вадим, – она помедлила, держась за ручку дверцы «Хонды», и посмотрела на него. – Зачем?..

– Я вырос без отца. Практически, – он вздохнул и задумался, как будто сам не знал, зачем ее провожает. – Я знаю, что женщину кто-то должен защищать. Мужа у тебя больше нет, придется мне. Я не уверен, что в тебя не стреляли, давай не забывать об этом.

Он произнес это и испугался услышать, что у нее есть кто-то еще, помимо мужа, и его, Вершинина, услуги ей не нужны.

Наташа закусила губу и стала выбираться из машины. Вадим честный и мужественный человек, он защищает женщин, а она думала, что он защищает только ее.

Он смотрел из окна кабинета, как она выбирается из бежевой «Хонды», и понимал, что присутствие этой самой «Хонды» превращается для него почти в непреодолимое препятствие. Времени оставалось все меньше, возможно, счет шел уже не на дни, а на часы.

Он почувствовал, что начинает паниковать, и приказал себе успокоиться.

В том, что он не может не узнать, когда наступит последний срок, он не сомневался.

Все будет хорошо. Он не имеет права на ошибку и не ошибется.

– Наташ! – позвал ее громкий шепот, когда она уже почти подошла к проходной.

Калганова оглянулась: из-за угла ей отчаянно махал Морошин. Она почти успела забыть, что выдала его Выдрину, а бедный Стас этого еще и не знает. Наташа покаянно пошла к несчастному парню.

– Наташ, ты... это... Чего к телефону не подходишь? – совсем как восьмилетний Сережа, спросил он.

Это было так смешно, что Наташа прыснула, но тут же стала серьезной.

– Стас, ты меня прости, но мне пришлось сказать Выдрину. Ты в мой комп вирус запустил.

Он отмахнулся, как будто речь шла не о нем, не о том, что его, скорее всего, уволят, а о чем-то совсем малозначительном, и потянул ее за рукав куртки за угол.

– Слушай, тут такое дело...

– Подожди-ка, – перебила Наташа строгим голосом, – ты зачем в мой компьютер лез?

– Базы МВД хотел посмотреть.

– Кретин!!! – ахнула Наташа. Если он полез скачивать что-то секретное, то отследить ее компьютер – это только дело времени. – Залез?

Он опять хотел отмахнуться, но Наташа не дала:

– Залез?!

– Нет! Даже не начал! Тут другое дело...

Он замаялся, и Наташа поторопила:

– Ну давай, не тяни.

Он еще помялся, будто прикидывая, стоит ей рассказывать или нет, и решил ничего не говорить.

– Ладно, это так... Ерунда. Пока.

Наташа посмотрела ему вслед, решила, что сегодня Стас какой-то странный, тут же забыла о нем и пошла работать.

Танечке не нравилось, что Вершинин стал пропадать где-то по вечерам. Решительно не нравилось. Вообще-то как возможного мужа она его почти не рассматривала: начальник отдела на госпредприятии ее совсем не устраивал. Беда заключалась в том, что других кандидатов не было.

Откуда им взяться, вариантам? Где познакомиться с богатым бизнесменом, да еще так, чтобы он, бизнесмен, сразу оценил ее красоту, ум и тонкие душевные качества? С Егором, бывшим мужем, Танечка познакомилась на отдыхе в Турции. Она тогда впервые поехала за гра-

ницу и не сомневалась, что поездка выйдет удачной. Так и получилось. Правда, поволноваться ей пришлось: Светка Демчук, с которой они отдыхали вместе, тоже была не прочь отхватить Егора, но он оказался не дураком и выбрал ее, Танечку.

После развода она уже трижды ездила на заморские побережья, но второго бизнесмена, желавшего немедленно на ней жениться, так и не встретила.

Где еще знакомиться с подходящими кандидатами, Танечка не представляла. Подружки, заведя удачные знакомства, представлять собственных избранников Танечке не спешили, дни складывались в месяцы, и чем дальше, тем больше вызывали у нее настоящую тревогу. Хорошо, что хоть Вадик есть, на крайний случай. Вернее, до этого понедельника она считала, что он есть, а теперь не знает, что и думать.

Вообще-то она ничего о Вадиме не знает, кроме того, что квартира эта досталась ему от бабки и что у него есть тетка. Про квартиру она узнала от соседки Киры Владимировны, которая жила здесь с незапамятных времен и тетку видела сама. Танечка после встречи с немолодой, интеллигентного вида женщиной, выходящей из квартиры Вадима, пыталась расспросить его о семье, но тот ничего рассказывать не стал, буркнул только, что это тетка. Она и отстала, зная, что на мужчин давить не стоит. То есть стоит, конечно, но не так явно.

Сейчас Танечка очень жалела, что ничего о Вадиме так и не выяснила. Надо было еще тогда познакомиться с его теткой, телефончик узнать на всякий случай, подружиться...

С Егором она так и сделала. Незаметно попала в гости к его родителям, смеялась дурацким шуткам, дуре-сестре помогала готовить уроки по русскому языку, и все получилось наилучшим образом. После свадьбы Танечка, конечно же, немедленно все это прекратила, у свекрови и свекра появлялась только на днях рождения, да и мужа отпускала неохотно. Это было ошибкой, и теперь она об этом жалела. Впрочем, она умела учиться на собственных ошибках.

Танечка вернулась мыслями к Вадиму. Ей очень не нравилось, что соседа нет по вечерам дома. Очень не нравилось.

День вышел неудачным, сосредоточиться на работе Наташа не могла. Сначала ей казалось, что она и не думает о Викторе. И о Кате, которая носила ее розовый халат, тоже не думает. Наверное, все-таки думала, потому что к обеду наделала столько ошибок в новой программе, что искать их было бессмысленно, и Наташа просто удалила все сегодняшние изменения, проще потом заново написать. Можно было уйти пораньше, но делать дома ей совершенно нечего, и она достала наушники, поставила диск Погудина и стала раскладывать пасьянс. Трудиться под музыку в фирме было почти принято, чего Наташа никогда не понимала: ей для работы всегда требовалась абсолютная тишина. А вот пасьянс раскладывать – в самый раз.

Она еле расслышала звонок, сняла наушники и испуганно сжалась. Она была уверена, что это Виктор, и не хотела с ним разговаривать, ей даже показалось, что к горлу подкатывает тошнота, но это звонила подружка Юлия Борисова.

– Давай чайку попьем. Я сейчас к тебе приду.

– Давай, – обрадовалась Наташа, с Юлей ей всегда было легко и весело.

Звонить коллегам в фирме тоже было принято, иногда Наташа даже наблюдала, как по телефону разговаривают люди, сидящие в одной комнате. Сначала это вызывало у нее недоумение, а потом она привыкла. Лень человеку оторваться лишний раз от стула и сделать несколько шагов, ну и бог с ним.

Наташа достала из стола шоколадку, прошла в маленькую кухоньку, удобно оборудованную, со встроенными шкафами, раковиной, микроволновкой и большим столом-стойкой, и включила чайник.

Юлия появилась почти мгновенно, плотно закрыла дверь, уселась на табуретку рядом со столом и сообщила:

– Александрина наследство получила.

– У нее кто-то из родственников умер? Ты что будешь?

– Чай, – решила Юля.

Чай, кофе и сахар в фирме были бесплатными, а вот все остальное: печенье, конфеты – приходилось покупать самим. Наташа разломала шоколадку, налила чаю себе и Юле и уселась рядом.

– Марина Петровна с Александрinou который день по телефону шепчется. Они же подружки неразлейвода.

– Да? – удивилась Наташа. – А я и не знала.

– Еще какие подружки! То есть наша-то дура Александрине на фиг не нужна, это Марина перед ней на задних лапках ходит. Неужели ты думаешь, что она стала бы замдиректора, если бы не жена шефа?

Юля пришла в фирму года два назад и занималась оформлением договоров. Как ни странно, пришла она со стороны, что было в фирме большой редкостью: как правило, устраивались на работу по знакомству. Наташа в свое время, еще студенткой, устроилась через каких-то знакомых отца. Правда, лентяев и дураков директор увольнял нещадно, несмотря на знакомства. Работать в фирме Наташе нравилось, ей ни разу даже не пришлось в голову искать другое место.

Юля сидела прямо перед входом в кабинет Марины Петровны и знала о замдиректора по хозяйственной части абсолютно все.

– Не знаю. По-моему, на Петра Михалыча не слишком-то можно надавить, даже Александрине.

– Да ладно! – отмахнулась Юля и зашептала почти в ухо Наташе: – Черт с ними, я тебе лучше про Александрину расскажу. У нее какой-то родственник за границей скончался и оставил ей наследство. Миллионное! Теперь она не знает, как быть, то ли за границу насовсем уехать, то ли здесь остаться.

– Подожди, – опешила Наташа, – как же она уедет? Она уедет, а Петр Михалыч здесь останется?

– Не знаю. Может, тоже уедет и за границей такую же фирму организует... Хотя... – Юля задумалась, – вряд ли ему это выгодно. Там такие зарплаты, как нам, не заплатишь, там фирму держать невыгодно.

Платили им вполне прилично, но, конечно же, меньше, чем за границей. Гораздо меньше.

Новость Наташе не понравилась: перспектива потерять работу, если фирма закроется, ее совсем не радовала. Ни семьи, ни работы...

– До чего же баба стержовная! – воскликнула Юля.

– Кто? – не поняла Наташа.

– Александрина. Хотя и наша не лучше. Ты представляешь? Недавно она приперлась, уселись с Мариной кофе пить в кабинете, пили-пили, хихикали, потом они выходят, жена директора потрогала землю в горшке под фикусом, поморщилась и говорит непонятно кому, что земля сухая совсем. А я только утром все цветы полила. Марина на меня уставилась, а я ничего не вижу, ничего не слышу, сижу работаю. Она меня взглядом сверлила-сверлила, я думала, у меня ожог будет. А потом взяла лейку и цветы полила. Ужас, да? А Александрина стоит, в пространство смотрит как ни в чем не бывало.

– Ужас, – согласилась Наташа, – она теперь тебя не съест, Марина-то?

– Пусть попробует! Я со своей работой справляюсь, какие ко мне претензии? Если я перед ней лебезить начну, только хуже будет. Тогда уж точно затопчет.

Наташа, как это часто бывало, порадовалась, что с женщинами-сотрудницами никаких дел не имеет, только здороваается да курит иногда.

– А Петра Михалыча Александрина все-таки опасается, – решила подруга. – Он тогда зашел к нам зачем-то, увидел ее и опешил прямо. И спрашивает, что это она тут делает? Алек-

сандрина чуть сквозь землю не провалилась. «Я на минуточку! Я на минуточку!» А сама часа полтора сидела, не меньше. Петр с Мариной стали что-то обсуждать, а Александрина шубу схватила и смылась сразу. Ты представляешь, на улице семь градусов тепла, а она в шубе?

– Да-а? – удивилась Наташа. – А какая шуба?

– Не знаю. Похоже на норку, но не норка. Светлая. Вообще-то это не шуба, а накидка. Красивая.

Они еще поболтали немного, потом Наташа вымыла чашки, пошла к себе, снова уселась перед компьютером, надела наушники и только теперь поняла, что очень хочет, чтобы Вадим ее встретил после работы.

Виктор позвонил уже в конце рабочего дня. Наташа долго смотрела на голубой экранчик телефона, как будто на нее напал ступор. Она всегда считала мужа родным человеком. Она стирала его одежду, гладила рубашки, беспокоилась, когда он задерживался допоздна, смеялась, когда он шутил, и раздражалась, когда он ныл, как позавчера вечером. Она никогда не думала, что он сможет привести в их дом Катю.

– Ты не считаешь, что нам нужно поговорить? – после небольшого молчания спросил муж.

Трудно сказать, чего Наташа ждала, но почему-то после этих слов ей сразу стало легче, ком, сжавший горло, растаял, и она поняла, что все сделала правильно.

– Не считаю.

Он молчал, и тогда Наташа попросила:

– Витя, ты больше не звони. Это ни к чему не приведет. Не звони, не надо трепать другу другу нервы.

– Ну, как знаешь, – грустно произнес муж, и в трубке послышались короткие гудки.

А ведь Наташа обрадовалась ему утром, неожиданно понял Вершинин. Странно, Вадиму казалось, что он совсем о ней не думает. Тут ему стало так радостно, что он готов был расцеловать полную пожилую монтажницу Галину Сергеевну, которая весь день мельтешила около установки, боясь его недовольства.

– Отлично сделано, Галина Сергеевна, – успокоил ее он.

– Что с тобой, Вадим? – спросила та, внимательно его разглядывая.

– А что?.. – не понял он.

– Какой-то ты чудной сегодня. Не такой, как всегда.

Он пожал плечами, а потом не выдержал и спросил:

– Какой?

– Как будто влюбился. – Она засмеялась, а Вершинин испугался, что Наташа не обрадуется ему вечером, когда он будет ждать ее после работы, и ему уже никогда не будет так радостно, как сейчас.

Он опять пожал плечами и повернулся к надоевшей установке.

Надо было спросить ее телефон и узнать, когда она кончает работать, а он не узнал.

Еще ему очень не нравилось, что Наташа улыбалась кому-то, разговаривая по телефону утром.

Вершинин ждал ее уже давно, часа полтора. Смотрел на вход большого офисного здания, боялся ее пропустить, боялся, что Наташа уже ушла, а он не может ей позвонить, и его очень страшило, что она ему не обрадуется.

А когда наконец увидел ее на ступенях крыльца, так обрадовался сам, что как будто чудом мгновенно оказался перед ней и забыл посмотреть, радуется она ему или нет.

Он улыбнулся и молча пошел к машине, пропустив Наташу чуть вперед, и только когда они уже уселись, сказал:

– Наташ, мы сейчас поедem к тебе, ты соберешь вещи и поживешь у меня. Тебе нельзя оставаться одной. Выясним, кто стрелял, в кого, зачем, тогда вернешься домой.

Наташа хотела сказать, что это глупо, ни на что не похоже, стрелять в нее никто не мог, и она не собирается уезжать из собственной квартиры, но молчала.

За нее никто, никогда и ничего не решал, разве что родители в детстве. С Виктором ей все приходилось решать самой. Куда ехать в отпуск, в какой ресторан пойти пообедать и какую еду заказать. Она решала, куда ехать отдыхать, и Виктор дотошно выяснял, сравнила ли она цены в отелях, и сокрушался, что будет очень жарко. Она выбирала ресторан, и он выяснял, уверена ли она, что их там не отравят. Наташа знала, что спрашивать его, куда поехать и где пообедать, бесполезно, потому что он тут же обижался неизвестно на что и потом долго на нее дулся.

Ему никогда не пришло бы в голову предложить ей уехать из собственной квартиры, пока он не выяснит, кто и зачем стрелял. Он бы у Наташи спрашивал, кто же в нее стрелял и что им теперь в связи с этим делать.

Она молчала, и Вершинин сказал:

– У меня большая квартира, разместимся.

– Нет, Вадим, спасибо. Это невозможно. Я буду жить дома. И не стрелял в меня никто, не придумывайте.

Он вздохнул, и она поняла, что вздохнул неодобрительно. И удивилась тому, что так отлично чувствует его настроение.

Машин, как и утром, было немного, и они небыстро, со скоростью потока, поехали.

Неожиданно Вадим резко остановил свою «Хонду» и подал ее назад, к автобусной остановке, на которой тусовались грязные личности, то ли бомжи, то ли просто законченные алкоголики, смеялись, матерились, передавали друг другу бутылку. Прохожие обходили остановку стороной.

– Это моя мать, – хмуро произнес он, глядя прямо перед собой.

– Что? – не поняла Наташа.

– Там, – он смотрел все так же прямо перед собой, – я ее ненавижу.

Наташа посмотрела на бомжей-алкоголиков и разглядела среди них женщину. Вадим все так же не поворачивал головы и был, казалось, совершенно спокоен, но Наташе, косившейся на его упрямо сжатые губы, вдруг почти до слез захотелось погладить его по коротко стриженным волосам, как маленького.

– Это великий грех.

– Ты веруешь?

– Нет.

– Грех, – согласился он.

«А ведь я знал, что она – моя судьба, – подумал вдруг Вадим, – еще год назад знал, когда впервые увидел... ауру». Ему стало так жаль потраченного впустую года, что он чуть не застонал.

– Вадик, – Наташа положила ладонь на его руку, видя, что он собирается тронуться, – ее нужно забрать отсюда.

– Нет, – сказал он резким тоном покойного деда. – Ей самой решать, как жить.

Он даже не заметил, что она назвала его Вадиком.

Его жизнь изменилась сразу и бесповоротно, когда ушел отец. Сначала мама все время плакала, и Вадик очень ее жалел, и все хотел позвонить отцу и попросить его вернуться, но не знал его рабочего номера. В шесть лет Вадик уже умел звонить по телефону. Потом мама как-то сразу стала очень веселой, смеялась, пела ему песни, и Вадик так этому радовался, что прощал ей, когда она засыпала почти сразу, как только приводила его из детского сада, а есть

в доме было совсем нечего. Он радовался, что мама не плачет, и не понимал, почему на нее так кричит дед, когда они с бабушкой приходят к ним домой.

Перед самой школой, через полгода после ухода отца, бабушка забрала его к себе совсем. Сначала мама приходила почти каждый день, благо жили они рядом, потом реже, а потом совсем редко. Может быть, он так ничего и не понимал бы еще долго, потому что бабушка и дед о матери при Вадиме никогда не говорили. Только однажды он увидел ее, спящую на грязном газоне у автобусной остановки. Он шел в магазин за хлебом, было уже темно, и пьяную женщину он заметил, когда подошел совсем близко. Вадим до сих пор помнил свой детский ужас, как хотел отойти от нее и не мог и как потом не соображал, почему оказался дома, и бабушка обнимала его, целовала и плакала.

Он до сих пор не понимал, как бабушка догадалась, что с ним произошло. Она прошептала ему в ухо: где? А подошедший дед сказал, как отрезал, что это не имеет никакого значения. Потом дед долго с ним разговаривал, объяснял, что мать больна, что ее нужно жалеть, но вместе с тем она должна сама справиться со своей болезнью, и она наверняка справится. Вадику было все равно, справится мать с болезнью или нет, он только хотел никогда больше ее не видеть. Ни пьяную, ни трезвую.

Он учился тогда в третьем классе.

Он не знал, рассказала ли бабушка матери о том страшном случае или нет. Ему было все равно. С тех пор он воспринимал мать как постороннего человека, терпел, когда она, приходя, целовала его, морщился и уходил к себе в комнату, если от нее пахло спиртным, засиживался с ней на кухне, если она была трезвой и рассказывала что-то интересное. И никогда не вспоминал о ней, когда она уходила.

И сейчас уже взрослый Вадим никогда не думал о матери. Так, вспоминал иногда, если что-то о ней напоминало. Вспоминал, как о совершенно чужом неприятном человеке.

– Лечить пробовал? – Наташа все держала его за руку, не давая тронуться, и он осторожно свободной рукой переложил ее ладонь на черную кожаную сумку, лежащую у нее на коленях, и стал медленно отъезжать от тротуара, вливаясь в поток машин.

Мать лечилась от пьянства много раз. Иногда начинала пить сразу после выписки из больницы, иногда через несколько месяцев. Однажды ухитрилась даже выпустить книжку стихов – она была поэтессой. Он сам, уже после смерти бабушки и деда, трижды клал ее в больницы, платил вполне приличные деньги, прекрасно зная, что толку от этого не будет.

Он знал, что и бабушка, и дед не дожили даже до семидесяти из-за нее.

Он ненавидел мать.

И ненавидел отца. За то, что произошло с его мамой.

– Может, сходим куда-нибудь? – предложил он, уже припарковавшись у Наташиного подъезда.

– Нет, спасибо, – Наташа покачала головой. Она совершенно не представляла, чем занять вечер, и вместе с тем чувствовала, что проводить его с Вадимом после всего того, что случилось с ней вчера, как-то... неправильно.

Он выбрался из машины вслед за ней и так же, как вчера, пошел за ней вверх по лестнице и только в дверях квартиры почему-то замешкался. Сегодня он не стал раздеваться, захлопнул дверь, помялся на входном коврике и попросил:

– Дай телефон. – А когда Наташа, не сразу поняв, чего он хочет, достала из сумки мобильный и протянула ему, потыкал в сенсорный экран, дождался ответного звонка собственного мобильного и вернул телефон ей.

Наверное, нужно было Вадима пригласить, но Наташа молчала. Она опять вспомнила, что Катя ходила по ее квартире, и на нее мгновенно навалилась противная слабость. А ведь казалось, что уже почти забыла.

– Никуда не выходи, – предостерег Вадим и спохватился: – У тебя продукты есть?

– Есть, – кивнула Наташа, – спасибо.

Она только сейчас вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего дня, после того, как поковыряла салат, разговаривая с Ларисой. И к собственному удивлению, совершенно не хотела есть.

– Пожалуйста, – Вадим помедлил и взялся за ручку двери, – запишись и без меня никуда. Никуда, поняла?

Наташа кивнула.

Он все мялся на маленьком коврикe и наконец решился:

– С кем ты утром по телефону разговаривала?

– Ни с кем, – удивилась она.

– Ну, утром, когда выходила из подъезда?

– А-а, – наконец-то сообразила она, – с Сережей. Это сын нашего директора. Мы с ним дружим.

– Сколько ему лет? – теперь он смотрел не на нее, а куда-то в сторону.

– Восемь, – стараясь не засмеяться от радости, что он, кажется, ее ревнует, ответила Наташа.

Вершинин виновато улыбнулся, кивнул ей на прощанье и вышел.

Звонок с незнакомого номера раздался минут через пятнадцать. Наташа сидела на диване, вертела телефон в руке, собираясь занести номер Вадима в записную книжку, и почему-то боялась это сделать. Она прекрасно знала, почему. Ведь, если он больше не позвонит, ей будет неприятно наткаться на его имя.

Диван был совсем старый, когда-то Наташа спала на нем, приезжая к бабушке в гости, и они с Виктором давно собирались его заменить, да так и не собрались, и сейчас она почему-то была этому рада.

Когда на экране телефона появились цифры, Наташа очень обрадовалась и почему-то чуть-чуть запаниковала. Она была уверена, что это Вадим.

– Наташ, это я, Морошин, – произнес тревожный голос.

– Стас? – удивилась Наташа. Морошин никогда ей не звонил, и она ему тоже.

– Тут такое дело... Короче, давай встретимся. Я тебе кое-что рассказать хочу.

– Нет, – резко отказалась Наташа, – говори по телефону.

Он замялся, и она неожиданно почувствовала, что сказать он хочет что-то очень важное.

– Приезжай ко мне, – сдалась она и назвала адрес.

– Минут через двадцать буду, – облегченно отозвался он.

Приехал Стас даже быстрее и минут через пятнадцать уже оглядывался в ее тесной прихожей.

– Есть хочешь?

– Хочу, – он как-то сразу освоился в ее квартире и прошел в ванную мыть руки.

Наташа опасалась, что он спросит ее про мужа, не хотелось, чтобы в фирме пошли ненужные разговоры, но про мужа Стас ничего не спросил. Впрочем, его вряд ли интересовала ее семейная жизнь, он мог даже и не знать, замужем ли она.

– Я не мог занести тебе вирус, – спокойно сказал Стас, усевшись около стола на кухне и наблюдая, как она ставит жарить для него магазинные котлеты. – Я твой компьютер только включил и сразу выключил.

– Что?! – Наташа уставилась на него, отвернувшись от плиты. И увидела вдруг, что Стас как будто изменился за сегодняшний день. Теперь она удивилась, что совсем недавно презрительно подумала про него «молодежь», а потом еще обругала разными нехорошими словами. Сейчас на нее смотрел умный, все понимающий и насмешливый человек. Молодой, конечно, но это, как всем известно, дело поправимое.

Стас усмехнулся, вздохнул, помедлил немного и заговорил.

Скачать базы МВД его попросил школьный приятель. Сначала Стас отказался, а потом, поразмыслив, подумал – почему бы и нет? Приятель был давний, надежный, и помочь ему он считал вполне естественным поступком. Однако со своего компьютера – тут Стас виновато посмотрел на Наташу – он залезать в базы МВД не решился. И выбрал компьютер Наташи: на нее все равно никто никогда не подумает, что она может заняться хакерством.

Проникнуть в офис, минуя проходную, было совсем не сложно. Оказывается, пожарная лестница, имевшая выходы на балконы, во дворе никогда не запиралась, а огражденный железными прутьями балкон второго этажа имел небольшую лазейку между этими самыми прутьями. Крупному человеку в нее пробраться не было никакой возможности, а гибкому и худому Стасу труда не составило. Камер наблюдения на пожарной лестнице не было, в коридорах оказалось совсем темно, ключи от Наташиной комнаты у него имелись: когда-то Стас работал в этой комнате, и добраться до нужного компьютера было делом элементарно простым.

Стас вошел – уличного света вполне хватало, чтобы различать предметы и не споткнуться, – включил Наташин компьютер, потратив какое-то время на поиск пароля, и, почувствовав, что разнервничался – все-таки взломщиком он был начинающим, решил покурить на пожарной лестнице.

Вот тут-то и началось непонятное. Неожиданно в коридоре зажегся тусклый аварийный свет, и полумертвый от страха Стас из щели неплотно прикрытой двери на пожарную лестницу увидел замдиректора Выдрина, спокойно идущего к собственному кабинету.

Перепуганный Стас чуть не кубарем скатился вниз, вышел на тот самый балкон, где между железными прутьями имелась достаточная щель, и, к собственному ужасу, понял, что путь к отступлению отрезан: под самым балконом стояла машина, в салоне горел свет, и рядом с авто в свете тусклых фонарей был отлично виден темный мужской силуэт.

Стас приказал паническому ужасу улетучиться, выровнял дыхание и уже почти спокойно наблюдал, как подошедший через несколько минут Выдрин передал какой-то сверток стоявшему у машины человеку, как человек этот уже в салоне пересчитал деньги – Стас был уверен, что это купюры, – и как машина с водителем и пассажиром-Выдриным выезжает из двора.

Он снова поднялся в помещение фирмы, выключил компьютер, приказал себе никогда впредь не влезать ни в какие авантюры и покинул здание тем же способом, каким в него проник.

Уже дома он понял, что узнал водителя, получившего от замдиректора деньги. Борька Озерцов.

Озерцов работал в фирме месяцев восемь и уволился недели две назад. Наташа его терпеть не могла. Он был грубым, наглым, в курилке рассказывал неприличные анекдоты, а однажды назвал Юлю Борисову коровой, когда та уже вышла из курилки. Наташа тогда молча загасила сигарету, тоже вышла вслед за Юлей и с тех пор старалась Озерцова не замечать. Уволили его «по собственному желанию», но все знали, что он не смог сделать ни одного работающего программного модуля, и вздохнули с облегчением: публика в фирме была интеллигентной, и хамоватый Озерцов ни у кого симпатий не вызывал.

Если бы Наташа не пристала к нему в понедельник утром, Стас постарался бы благополучно забыть об этой истории, но она пристала, и он понял, что эта история не дает ему покоя.

Стас «залез» по компьютерной сети на сервер, где хранилась информация о сотрудниках фирмы, раздобыл адрес Озерцова и, сам не зная зачем, поехал к дому уволившегося программиста.

Тут началось самое интересное. Стас больше часа просидел в своей «Ниве» напротив озерцовского подъезда и уже собрался было убраться восвояси, когда Борька с незнакомым

Стасу парнем вышли из подъезда, уселись в зеленую «Ниву» и отправились колесить по городу. А Морошин за ними.

Он бы и не понял, что следят парни за женой шефа Александриной, если бы не увидел рядом с женщиной в «Тойоте», за которой неотступно следовала грязная «Нива», Сережу. Александрина Стас видел несколько раз, но толком не запомнил, а Сережу все в фирме знали хорошо, потому что директор приводил сына часто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.